

A full-page photograph of a soldier in a winter combat uniform, including a helmet and goggles, holding an assault rifle. He is standing in a snowy, desolate landscape with bare trees and a brick building in the background. The image is framed by a black and white striped border at the top.

ВРЕМЯ

Z

Дмитрий
СЕЛЕЗНЁВ

БЕСПОКОЯЩИЙ ОГОНЬ

18+

Время Z

Дмитрий Селезнёв
Беспокоящий огонь

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Селезнёв Д.

Беспокоящий огонь / Д. Селезнёв — «Издательство АСТ»,
2023 — (Время Z)

ISBN 978-5-17-159848-8

Будучи военным корреспондентом, работающим в зоне СВО, Дмитрий Селезнёв имеет возможность встречаться с множеством самых разных людей, вольно или невольно оказавшихся в зоне боевых действий, и прикасаться к их судьбам. Героями его книги «Беспокоящий огонь» являются бойцы донбасских батальонов «Сомали», «Спарта», «Пятнашка», наши морпехи, росгвардейцы, добровольцы из БАРС и ЧВК «Вагнер», а также мирное население страдающего от военных действий Донбасса – женщины, старики, дети. Автор расскажет о фронтовых буднях бойцов Российской армии и ополченцев Донбасса, о полной лишений жизни гражданского населения прифронтового Донецка, о надеждах и чаяниях протоиерея Гавриила, настоятеля Покровского собора в разрушенном войной Мариуполе – о всех тех, кто каждый день, каждый час смотрит в глаза смерти. В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-159848-8

© Селезнёв Д., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Дорога в Донецк. Русское пограничье и чистилище. Беженцы и военные колонны	7
Дни Z в прифронтовом Донецке	9
Наступление на Мариуполь. Приближение дня Z	13
Батальон «Пятнашка». Нацистские «эльфы» не пройдут	19
Батальон «Спарта». Молодое поколение Z	25
Вас ждет огонь смертельный	31
Волноваха – Мариуполь. Танец разрушения	37
Мариуполь. Апокалипсис сегодня	43
А из нашего окна «Азовсталь» вдали видна...	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Дмитрий Селезнёв

Беспокоящий огонь. Очерки и рассказы

*Посвящается моему напарнику, военкору Ростиславу Журавлёву,
погибшему в Запорожье 22 июля 2023 года.*

*Спи спокойно, мой любимый друг и товарищ, ты всегда будешь
жить в моей памяти.*

© Дмитрий Селезнёв, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

Дмитрий Селезнёв, военкор проекта WarGonzo. Фотоматериалы предоставлены автором
Я впервые услышал и сразу запомнил имя Дмитрия Селезнёва весной 2018 года, когда
он, вернувшись с Лимоновым из поездки в Италию, стал публиковать в Фейсбуке¹ свои путе-

¹ Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

вые заметки – крайне содержательные, с массой ценных замечаний и подробностей, что свидетельствовало о его остром взгляде и таланте репортёра, но и написанные при этом очень увлекательно, живым языком, с юмором и самоиронией. Всё это раскрывало в авторе человека незаурядного, скромного и наделённого ещё и талантом настоящего писателя.

Все эти человеческие достоинства Дмитрия Селезнева и качества его как литератора вы обнаружите и сами, прочитав настоящую его книгу «Беспокоящий огонь», где собраны рассказы и эссе Дмитрия уже в качестве военного корреспондента, работающего в зоне СВО и других горячих точках.

Эдуард Лимонов им бы гордился. И наверняка написал бы предисловие к этой его книге. Лимонов, уверен, гордился бы и другими своими молодыми соратниками, воюющими в Донбассе в качестве добровольцев, выполняющими там опасную работу волонтеров, военкоров и, к сожалению, иногда погибающими.

О них, о бойцах Российской армии, волонтерах и мирных жителях героического, страдающего Донбасса, эта книга Дмитрия Селезнёва – первая его книга. Дальше будут другие.

Сергей Беляк, адвокат, публицист, общественный деятель

Дорога в Донецк. Русское пограничье и чистилище. Беженцы и военные колонны

21 февраля 2022 г.

Выезжал из Ростова, который на Дону, уже когда начало темнеть. Дорога не дальняя, но и не близкая, два часа езды на автомобиле до пропускного пункта (не хочется мне называть его границей), а дальше меня ждала дорога на Донецк. Пусть пока не российский, но русский Донецк.

За окном автомобиля вдоль трассы загорались гирлянды фонарей. На горизонте темнела степь, пока наконец не слилась с чёрным от надвигающейся ночи небом.

С дороги Ростов-на-Дону – Таганрог свернули, обогнув Самбекские высоты. Эти места исторические, о чём напоминает мемориальный комплекс на холме. В 1943 году здесь соединились две дивизии, чтобы начать своё наступление на Донецк. Мемориал построен в виде подковы из идущих в камне советских воинов. В руках автоматы, лица суровые и сосредоточенные. Советские солдаты идут освобождать Донбасс и Украину.

У Матвеева Кургана ещё один памятник, напоминающий о той войне – далёкой и в то же время сейчас очень близкой. Стоит в лучах подсветки Маруся-регулировщица. Её называли Марусей, хотя имя девушки-регулировщицы, как говорят, стоявшей двое суток и упавшей от изнеможения, неизвестно. Её жест флажками означает «Проезд разрешаю», и мы едем дальше.

По пути встречаем колонну автобусов с беженцами. 1, 2, 3... 10, 11... И ещё, и ещё автобус. В Донецкой Республике объявлена эвакуация, это не первая колонна и не последняя.

Беженцев встречаю и на пропускном пункте Куйбышево. Группы людей стоят у дороги, ожидая транспорт, гаишники регулируют движение. В зале ожидания женщины, дети, женщины с детьми.

Пройдя все необходимые формальности, досмотр и допрос, прохожу цепь из автобусов и автомобилей, направляющихся в Россию. В одном из минивэнов замечаю старуху, укрытую одеялами, – сгорбленная сгоревшая спичка, в которой ещё тлеет человеческая жизнь.

На пропускном пункте Мариновка обстановка несколько другая. Таможенники и пограничники в боевом камуфляже, многие с автоматами. Слышится бодрый донбасский говор с «недовольным» акцентом. Мне как журналисту оказали содействие – посадили в кабину к дальнобойщику, едущему в Донецк. Еду я на фуре впервые и в ДНР нахожусь впервые. Всё в жизни приходится делать в первый раз.

За окном кабины проносятся тёмные силуэты домов, одинокие фонари. Где-то далеко видны огоньки в ночной степи. Проезжаем туннели из деревьев у дороги, которые тянут к машинам костяные ветви. Русский философ Алексей Фёдорович Лосев утверждал, что человек мыслит прежде всего мифологически. И я как невыспавшийся, уставший за день от перелёта, переезда, перехода русский человек, находясь на незнакомой мне территории, мыслю мифами вдвойне.

И Донбасс мне видится такой аномальной зоной, русским чистилищем, где столкнулись силы Добра и Зла. Раньше таким пограничьем была Украина. Но сейчас почти всю её накрыла тьма. Восемь лет назад граф Бандера-Дракула ожил в своём склепе, и упыри с карпатских гор спустились, перекусили много народа и добрались аж сюда, до земель степняков, и только здесь их смогли остановить.

– Это хамыри, – подсказывает мне водитель.

Так называется в этих краях захолустье. А в глуши всегда творится что-то странное и непонятное. Там на неведомых дорожках...

На повороте фары из крошечной темноты выхватили мужика, одиноко стоящего на перекрёстке. Что стоит, кого ждёт? Неведомо...

Донбасс сейчас является пограничной зоной России. А в приграничных зонах происходят разные чудеса и аномалии. Здесь Красная Звезда вполне уживается с Георгиевским крестом. Здесь флаг похож на российский триколор, только вместо белой полосы чёрная. Тут объединились правые, левые, «сыны монархии» и почитатели Ленина-Сталина, шахтёры и казаки – все сплотились, чтобы отразить вторжение нечисти.

– А тут у нас полигон, – указывает водитель, когда мы проезжаем поле, где видны «следы невиданных зверей» – гусениц танков и бронетехники.

После полей замелькали одноэтажные дома, потом спящие хрущёвки. Мы въехали в Шахтёрск. После Шахтёрска следующим крупным населённым пунктом на нашем пути была Макеевка. После Макеевки остановились возле сельской церкви, пропуская военную колонну. Я перекрестился.

И так мы останавливались ещё три раза, пропуская военную технику. Враг готовится напасть, но тут готовы отразить возможный прорыв. Сейчас ВСУ обстреливают трассу Донецк – Горловка.

Противоположная сторона вопит и кудахчет: мы не собираемся, мы не собираемся нападать! Да кто им верит-то? А на Старомарьевку нападать тоже не собирались? А занимать Широкино? А брать в заложники наблюдателей? А постоянно нарушать перемирие?

До чего же нужно довести людей, чтобы власти решили эвакуировать миллионный город! Ведь были и раньше обстрелы? Были. Были диверсии? Были. Есть всё это сейчас? Есть, диверсии участились, и обстрелы усилились. Выполнялись, выполняются ли Минские соглашения? Нет, не выполнялись и тогда, не выполняются и сейчас. Соблюдался, соблюдается ли режим прекращения огня? Нет, нет и нет. Страдают ли русские люди? Да! Страдают прежде всего простые русские люди. Уже как восемь лет страдают.

На улицах Донецка пустынно и тихо. Что несвойственно для субботнему вечеру в городе-миллионнике. Заселился в гостиницу, включил телевизор. По местному каналу идут патристические репортажи. Повторяется последнее обращение главы ДНР о всеобщей мобилизации всех мужчин призывного возраста. Транслируются адреса сборных пунктов для эвакуации.

После новостного блока – «Иди и смотри», фильм о той войне. Увидим ли мы её снова?

Дни Z в прифронтовом Донецке

26 февраля 2022 г.

С началом операции Z по освобождению Украины раскаты бога войны стали слышны в Донецке уже не только ночью, но и днём. Фронт рядом – ухнет и грохочет в небе. Но удивительное дело – в городе движение транспорта осталось оживлённым. С утра начинают за окном дребезжать трамваи и шуршать шинами автомобили. Работают продуктовые, кафе, аптеки, хозяйственные, галантереи, магазины одежды.

Работает и «ДонМак» – открыл для себя неподалёку эту новую сеть фастфуда и теперь хожу в неё обедать. Из новостей узнал, что американский «Макдоналдс» с Украины дал дёру. То не беда – на освобождённой территории можно распространить сеть «ДонМак». Продукция та же, только цены ниже раза в полтора, а порции в полтора раза больше. Да и в России хватит уже есть американскую ботву! Только «ДонМак». Кстати, там ещё и пиво наливают.

Исходя из своего опыта, ещё перед началом военных действий запасся предметами первой необходимости, нужными медикаментами. В квартире, которую мы с коллегой снимаем, всегда держим запас продуктов и питьевой воды. И ещё на всякий случай набираю полную ванну перед сном. А то можно проснуться от взрывов, а из крана ничего не течёт. Зубы не почистишь, не умоешься, не смоешь.

► Донецк. Ночной патрульный

И электричества нет – пару пауэрбанков всегда держи заряженными. Из медикаментов, помимо всего, в аптечке должны быть шприцы, обезболивающее (диклофенак, например), жгут. Бинтов в аптеках Донецка уже нет, поэтому лучше купить женские прокладки – хорошо

кровь останавливают. Большинство смертей на войне не от ран, несовместимых с жизнью, а от потери крови. В качестве как обезболивающего, так и обеззараживающего желательно иметь чекушку водки, если спирта нет. Конечно, ещё водку можно использовать как ободряющее, но не стоит злоупотреблять – сознание притупляется и реакции замедляются. А они в экстремальной обстановке ох как нужны.

Делюсь этими знаниями – может быть, кому, не дай бог, пригодятся. В том числе делюсь и с мирными жителями Центральной и Западной Украины, они впервые попали в такую экстремальную ситуацию. Зла на простых людей никогда не держал. Хотя некоторые украинцы, наверное, в 2014-м радовались бомбардировкам Донбасса. Они желали своим нацикам «победы», а «ворогам» – смерти. Теперь к ним же вернулся бумеранг войны, и они могут на себе ощутить прелести прифронтовой жизни. Ну что, слава Украине? Не слава.

А жители Донецка и прилегающих к линии фронта городов терпят бомбардировки с разной степенью интенсивности восемь лет. Восемь лет в Донбассе погибают люди. А что творилось здесь в 2014-м! Врагу не пожелаешь.

Но, на удивление, Донецк выглядит довольно буднично, по улицам не боясь ходят люди. И ты порой глупо выглядишь, когда идёшь на выезд в бронежилете, встречая по пути женщин с сумками, идущих как ни в чём не бывало по своим делам. Люди здесь привыкли к войне и устали бояться. Война вошла в их обиход, стала привычной.

Хотя изменения в городе заметны – на улицах немногочисленно. Повсюду развешаны плакаты. «Встань на защиту Родины!», «Наше дело правое!», «Будь героем!» – кричат они. А также классика: «Родина-мать зовёт!» – седая мать вздымает вверх к штыкам руку и протягивает лист с присягой.

Идёт тотальная мобилизация. Народная милиция останавливает и забирает в армию последних таксистов, которые, кстати, тоже здесь нужны – дожидаться свободного такси в Донецке очень трудно.

У зданий предприятий и административных учреждений стоят автобусы и группы людей, молодых и взрослых мужчин с рюкзаками и сумками. Они уходят на фронт.

И в голове от этих картин играет «Прощание славянки».

Встают под ружьё и депутаты Народного совета – главного законодательного органа Донецкой Республики. Они собрались напротив площади Ленина возле здания с массивными колоннами в стиле сталинского ампира.

(Закрываю глаза. Представляю, как депутаты из российской Госдумы снимают пиджаки, дорогие часы, переодеваются в «горку», грузятся в «Уралы» и отправляются на войну.)

► Волонтёры ОДДР развозят гуманитарную помощь жителям

А в офисе общественного движения «Донецкая Республика» (ОДДР) – что-то типа донецкой «Единой России» – мужчин почти не осталось. Все, включая руководство, на линии фронта. Остались старик-охранник и пара водителей при штабе по работе с прифронтовыми районами. Одним из таких районов считается Куйбышевский район, и мы вместе с волонтёром ОДДР едем туда передавать лекарства в больницу.

Уже вечереет, и в районе пусто. Жители предпочитают вечером сидеть по квартирам. Газоны в прошлогодних листьях, стоят пыльные коробки хрущёвок. Во дворах нет никого. Угол одного дома покорёжен, стёкла на балконах верхних этажей выбиты. Но это рана не текущего военного обострения, нижние балконы забиты фанерками.

В палатах людей немного, большинство больных эвакуировали. Волонтёр передаёт лекарство раненому военному, и мы с коллегой из чувства такта топчемся у двери. У военного нет ног.

На шум гостей в коридор вышла женщина. Её зовут Татьяна. У неё сын погиб в 2014 году при бомбёжке. И сейчас она рада и надеется, что этот кошмар скоро закончится.

– Они ведь больше никогда не придут? Правда? – спрашивает она со слезами в голосе.

Правда. Никогда. Они больше не придут. Наше дело правое, победа будет за нами.

– Целый божий день стреляли, – рассказывает нам ещё одна жительница района, когда принимает пакет с лекарствами у подъезда, – но я в подвал спускаться боюсь. Не дай бог, ударят и всё завалят, и я там сдохну. И я, если честно, не боюсь уже, привыкла.

Мы едем в Ясиноватую. Дорога опасная, обстреливается, украинские позиции близко, в двух километрах.

– А это недавно прилетело, днём ещё не было, – невозмутимо указывает на поваленное снарядом дерево наш водитель-волонтёр Валентин. Мы объезжаем место прилёта.

В Ясиноватой к нам присоединяется Карина – девушка из молодёжного отделения ОДДР. Но прежде чем ехать по адресам, по пути заезжаем на место дневного разрыва. Снаряд попал в жилой дом. Он пробил крышу, разорвался, и дом протрясло. Стёкла повывлетали, осыпались балконы, рамы, карнизы. Но людям деваться некуда, они продолжают жить. Рядом коммунальщики приваривают повреждённую трубу. Тут всё быстро и оперативно латается на ходу. А сколько таких латок за восемь лет войны у города... Заплата на заплате.

В частном секторе Ясиноватой картина военного апокалипсиса. Ни души. В домах свет не горит. На деревянные дома опускаются сумерки. Тревожно, пахнет крысой – так говорят американцы, без которых не обходится ни один конфликт, в том числе и этот.

За лекарствами из синих ворот к нам вышел дед Леонид.

– Стреляли, – рассказывает он обстановку, – Васильевку обстреливали, аэропорт. Туда ещё укрупы снаряды ложили, – указывает он рукой направления обстрела.

Передаём ему лекарства, желаем здоровья.

Но украинская артиллерия достаёт не только прифронтовую зону.

► Последствия обстрела торгового центра

На следующий день мы уже мчимся к зданию Республиканского спасательного центра МЧС, которое обстреляли с территории, подконтрольной ВСУ. Точнее, временно оккупированной территории.

Несмотря на то что спасательный центр находится в так называемом тылу, один из снарядов разорвался на прилегающей к нему территории. Осколки, пробив стекло, залетели в кухню.

Но в основном удар украинской батареи пришёлся на частный жилой массив. Один снаряд залетел в дом, второй во двор. На дороге воронка – третий попал сюда. Пара других снарядов разбила торговый центр, стоящий неподалёку. Я, как детектив, веду расследование, и следы меня ведут к автосервису. А там, как говорят в страховой компании, полный тотал: стоящие во дворе машины ремонту не подлежат – раздолбаны все от взрыва. Один из снарядов пробил крышу гаража, салон автомобиля, разворотил дверь и разорвался в земле. Машина сгорела дотла – в боксе я фотографирую обугленный стальной скелет. Ну дела...

Вечером в Донецке на улицах машин мало. Стоят патрульные в хаки с белыми повязками на ногах и руках. Всё чаще стала заметна буква Z. Я встречаю её не только на военной технике, но и на гражданских автомобилях, стенах, шевронах.

Что такое Z? Z – это последняя буква в алфавите.

Это конец той войны, которая началась на Майдане восемь лет назад.

Наступление на Мариуполь. Приближение дня Z

3 марта 2022 г.

Война – это всегда трата. Трата ресурсов: денежных, материальных, нервных. Это трата здоровья и, конечно же, прежде всего человеческих жизней. Это концентрация многих средств и усилий множества людей. Всё накопленное и возвращённое тратится порою за считанные часы, всё идёт в ненасытную топку войны, которая разгорается и пышет жаром. У войны могут быть победители, но на войне не бывает прибылей. Это одни расходы. Перед тем как поехать на линию фронта, на бензоколонке мы скупаем для бойцов все сигареты.

Заезжаем по дороге и в чебуречную, заказываем пакеты чебуреков для солдат. Для военных корреспондентов, которыми мы являемся, привезти на фронт продукты или подарки – это правило хорошего тона. Солдаты подаркам и продуктам всегда рады. Подарок – это тоже трата. И она лишь самую малость компенсирует те расходы, которые несёт солдат на войне.

После чебуречной облачаемся в бронежилеты и каски. Фронт уже близко. Хотя в Донецке находиться тоже небезопасно. И вчера, и позавчера по нему доставали и «градами», и артиллерией. Возможно, пока нас не будет в городе, ударят и сегодня. Война располагает к суевериям и религиозным предрассудкам, поэтому, когда на дороге нам попадается церковь или одиноко стоящий крест, мы крестимся. Вера в Бога на войне не бывает лишней. Но, как говорится, сам не плошай.

Останавливаемся на бывшем украинском таможенном пункте. Бывшем – потому что ещё перед наступлением армии ДНР он был оставлен украинскими военными. Бойцы народной милиции, находящиеся на блокпосту, шутят сами с собой: ничего запрещённого не перевозишь? Нет? Счастливого пути!

Сами они обвешаны оружием, которое в мирное время провозить было запрещено. Но в военное время другие законы. Чем больше у тебя боекомплект, тем лучше. А счастливого пути желать на войне – это слишком много. Достаточно и удачи.

Я рассматриваю бывшие украинские окопы. Блиндаж с указателем «Укриття». На бетонном заборе два жовто-блакитных флага обрамляют надпись из весёлых жёлто-синих букв: «Любіть Україну у сні й наяву, вишневу свою Україну».

Это строчки Владимира Сосюры, советского поэта, не такого известного сейчас в России, как Тарас Шевченко, но вполне достойного. Сосюра – выходец из этих мест, он родился в Дебальцево. Кстати, украинский поэт в годы Великой Отечественной войны был тоже военным корреспондентом. Правда, воевал пером и оружием Сосюра на стороне Советской армии. Сейчас же некоторые его цитаты берут на вооружение те, для кого Украина стала *uber alles* и не для всех. И поэтому Украина сейчас не вишнева, а кровава.

Сейчас идут бои на подступах к Мариуполю, и мы направляемся туда. По дороге мы встречаем в поле у обочины развёрнутые в сторону неприятеля «грады», они заряжены и ждут команды.

► «Броня крепка, и танки наши быстры» – Т-64 НМ ДНР

В селе Гнутово останавливаемся. Вчера здесь шёл бой. Об этом свидетельствуют два раскуроченных украинских танка. Борты раскручены, гусеницы спущены. «Знищено!» – так выражаются украинские любители виртуальной победы. Украинский сегмент интернета смакует российские потери и наших мёртвых солдат, однако предпочитает молчать о своих. Конечно, это элемент информационной войны, но вообще, постить мёртвых солдат нездорово и патологично. К смерти нужно относиться уважительно, мы все под нею ходим. Читая украинских троллей и блогеров, их комментарии под фото убитых русских про мясо и удобрение, и как «картошка вырастет на них хорошая», лишний раз убеждаешься, что наше дело правое и операция Z необходима! И мы обязательно победим. Каких же выроdkов за годы «независимости» дала украинская земля! Ведь в основном, помимо украинских спецслужб, распространяют и смакуют всю эту мерзость украинские подростки.

Вообще, самые смелые патриоты всегда сидят в самом глубоком тылу. Зачастую самыми кровожадными являются домохозяйки.

Кухонные Кали-Гали вопят со своих кухонь в интернет: убейте их всех! Никакой пощады ради победы! Так вопили они и в 2014 году, когда украинские танки приехали в Донбасс. А сейчас война откатилась и до их домов. Парни за редким исключением все молодые и все местные. Выглядят как группа старшеклассников, собравшихся в поход. Все радостно-возбуждённые.

Доехали до расположения артиллеристов. Они разместились в брошенном доме и сразу наладили быт. Развели мангал, подогревают чай. Мы отдали им все чебуреки и поделились пачками сигарет. К этому военному оркестру уже прибились два местных хромых пса, ковыляют на трёх лапах, виляют хвостами. Но с ними придётся расстаться: парням скоро сниматься с места – грохоча железными осадками, фронт движется в сторону Мариуполя. И мы едем туда.

Посёлок Талаковка. На въезде в районный центр стоит «Варта» – бронемашина неприятеля, брошенная и уже испещрённая буквами Z, которые уже стали креативным символом русских войск. Въезжают в посёлок с нанесённой Z и грузовые «Уралы», а также бронетранспортёры и автомобили. Продвижение к Мариуполю продолжается. Перед «Вартой» выжженная воронка, колёса у бронемобиля спущены. Очевидно, шины повредило взрывом, и отступающие из посёлка отряды ВСУ или нацбата – их в Донбассе раньше различали, а теперь перестали

различать – оставили для пехоты ДНР трофей. В чреве украинского бронтозавра роется пару солдат с целью найти что-нибудь полезное для себя.

Отступив, ВСУ сразу же обстреляли Талаковку. Пехота ДНР в посёлок не успела войти, и под град попали только гражданские. Мы видим жёлтый микроавтобус у обочины. Двери разворочены осколками, стёкла выбиты. На месте водителя и в салоне по мёртвецу. Тела накрыты одеждой. Из деликатности не подхожу и не снимаю трупы вблизи. Достаточно одной детали – жёлтого мёртвого кулака, который виден из разбитого окна.

А по улице идёт пехота ДНР. И стар и млад. Лица радостные и счастливые. Заметил одного бойца в русской ушанке. Другой – в бейсболке, расхристанно идёт по дороге с пулемётом наперевес.

– Командир сказал что, кто первый сдохнет, тот педераст, сегодня нельзя умирать!

► Талаковка. Оперативное совещание

Под этот циничный солдатский юмор все гогочут. Все возбуждены и поздравляют с победой – отбит ещё один пункт. Умирать сегодня никому не пришлось. Мариуполь стал ещё ближе – с пригорка видать в дымке его многоэтажки. Гражданских на улице немного, выходить пока боятся: только недавно был обстрел. Замечаю старуху в платке и овечьей шубе. Она вышла из дома, стоит возле калитки и крестит идущих солдат. В это же время происходит зачистка посёлка. Группы заходят во дворы, осматривают дома и подвалы, чтобы не было выстрелов в спину.

Всё идёт и движется! Темп! Темп! – при наступлении важно держать темп, важно не давать противнику опомниться. Сначала происходит арт обстрел чужих позиций, потом наступает бронетехника со штурмовиками, они подавляют сопротивление, занимают позиции врага, закрепляются. И уже на новое место подтягивается артиллерия, и снова наносится новый удар. И так шаг за шагом, прыжок за прыжком. Рывок, подтягивание, снова бросок. Сейчас мы находимся в состоянии рывка и подтягивания одновременно. Мы на выступе, по бокам в соседних сёлах противник, не успевший отступить. «Ура, мы ломим», фронт гнётся. Гнётся, гнётся и выпрямляется уже на новом месте.

Но враг упрям. Не стоит забывать, что он – это и есть мы. Менталитет тот же. Только их покусал Бандера-Дракула, и они возжелали нас убить. Мы тоже хотим их всех уничтожить. И противник отплевывается от нас «градами», снарядами, минами. Это такой безумный «Энгри бёрдз». Это как морской бой, только не морской. «Игроки» постоянно передвигают свои «корабли» с ракетами и пушками по полям, пытаясь на основе поступающих разведанных, опыта и интуиции подловить друг друга (а точнее, враг врага) в движении. И нанести смертельный для многих членов противоположной команды ракетный или артиллерийский удар.

Признаюсь, это мой первый выезд на острие атаки – ранее, как военкор, я снимал только последствия. И я, как гуманитарий, немного чувствую себя Пьером Безуховым. Правда, на мне не белый фрак и цилиндр по версии Толстого, а всё-таки бронежилет и каска. Но обстановка для меня новая, и я бы не сказал, что я к ней привык. Отнюдь, образование губит меня. Для меня, человека начитанного, пока что всё представляется организованным безумием. Интеллигент всегда слаб, его всегда мучают сомнения, и когда я слышу где-то близко разрыв, я думаю: а что, нельзя было договориться? Нельзя было создать двуязычную Украину, где всем, украинцам и русским, которые здесь родились, жилось бы хорошо? Зачем было ограничивать право людей разговаривать на том языке, на котором они желают говорить и на котором хотят, чтобы говорили их дети? Зачем, устроив переворот, навязывать свою сомнительную государственность и своих сомнительных национальных героев остальным, которые этого не желают? Зачем было кричать «чемодан, вокзал, Россия?..» и «кто не скачет, тот москаль»? Зачем...

Так, о чём это я? Ба-ба-бах! Когда мы стояли у бензоколонки, недалеко раздался взрыв, и вверх взвился чёрный грибок. Неплохо! Что это было? Военные запустили квадрокоптер, выяснили: противником только что взорван мост через речку Кальмиус, который соединял Талаковку с Сартаной – последним населённым пунктом перед Мариуполем. Под мостом перед Талаковкой тоже, как нас проинформировали, заложено около тонны взрывчатки. Но противник так спешно отступал, что взорвать мост не успел. Сейчас там работают сапёры, мы видели, как они возятся, когда, въезжая в посёлок, проезжали по этому же мосту. Конечно, осознавать, что ты едешь по тонне неразорвавшейся взрывчатки, не было неприятным.

► Спецназ ДНР

В Талаковке мы встретили Белого – в прошлом штурмовика легендарного батальона «Спарта», а теперь командира артиллерии внутренних войск. Его зовут Белый, потому что он

белорус, он родом из Минска и приехал на Украину в 2014 году, в самом начале войны. Белый крутой. Пренебрегая каской и бронежилетом, он передвигается по посёлку на военных попутках и технике и бодро раздаёт указания. Это туда отогнать, это зарядить, это пригнать. Мы едем с ним на выступ, потом на базу и в штаб. Белый не боясь овладевает обстановкой прямо на месте, он приказывает и управляет вверенной ему техникой и людьми. Чем-то его работа похожа на работу прораба на стройке. Но здесь в управляемом хаосе войны всё направлено на разрушение.

Посёлок снова обстреляли, повален столб электропередач. Обстрел застиг нас на выезде, перед нами рванула мина, и наш водитель втопил в пол педаль газа. Скорость! На войне важна скорость! Находясь в этом безумии, надо уметь очень быстро передвигаться. Ведь всегда может что-нибудь прилететь, взорваться, вонзиться, разорвать твоё мягкое человеческое тело. Автомобиль, танк, человек – в боевых условиях, особенно на открытой местности, надо очень быстро ехать. Тогда в тебя будет сложнее попасть. И мы несёмся с базы снова на выступ. Нам сообщили, что спецназ ДНР уже начал форсирование реки.

Взрывом мост проломлен посередине. На горизонте вьются дымки – результаты наших попаданий. Материя бьётся с материей, железо против железа. Души трепещут, закованные в броню. Слышны вылеты и прилёты, наши и чужие. Воу-воу-воу – так звучат РСЗО. Вжиу-у-у – пропевают, пролетая, мины. Бау! Бау! Бау! – это ударные. Так работают танки. Слышится трещотка – это стрекочут автоматы. Это симфония войны. И некоторые, как из числа пассивных, так и из числа активных слушателей этого концерта услышат эти мелодии в последний раз... Я же слышу визг мины и инстинктивно падаю. Мимо! Подымаюсь. Уф, да ну его на хуй, пронесло. Отсняв форсирование реки, наша команда возвращается в штаб.

► Боец народной милиции ДНР передаёт мариупольцам привет

Спецназовцы передают с нами захваченного уже на том берегу в Сартане пленного. Пленный вполне безобидный – это местный участковый, майор украинской полиции. Занимался, с его слов, эвакуацией жителей, когда в посёлок вошёл спецназ. Полицейский невысокий и пухлый, как и положено майору полиции. Бежать не пытается, это было бы с его стороны безрассудством. Майор послушно выполняет все указания. Ему говорят встать лицом к стене – он встаёт. В штабе его никто не унижает, не бьёт. Не заставляет кричать «Слава России!», хотя, судя по его виду, отказываться он бы не стал. Но мы же не звери. Это батальон «Азов» – звери, они за Гитлера, они любят свастику. А их президент Зеленский – наркоман чёрттов, петрушка на резинках у америкосов. Обещал войну своим избирателям остановить, а в итоге она только разгорелась.

В тёмном коридоре сидят или стоят бойцы. Некоторые из них по приказу старших выходят группами и направляются на выполнение поставленных задач. Одной из задач скоро будет взятие Мариуполя.

И день Z наступит и для этого города.

Батальон «Пятнашка». Нацистские «эльфы» не пройдут

9 марта 2022 г.

– Побольше бы в Китае Олимпиад проходило!

Мы при каждой что-нибудь да освобождаем, – смеётся Абхаз. Я сижу с ним и его бойцами за одним столом.

Ахра Авидзба, позывной «Абхаз» – командир батальона «Пятнашка». Ахра – абхаз небольшого роста. Коренастый, большеголовый и черноволосый. С военной «горкой» сочетается модно повязанный на шее чёрный платок. Свой рабочий день Ахра и его подчинённые начинают в пиццерии. Война войной, а завтрак по расписанию. Утро для командира «Пятнашки» начинается по-кавказски размеренно. На Кавказе не любят суеты, время в горах густое и течёт медленно. Поэтому кавказцы и отличаются долгожительством.

Да, действительно, в августе 2008 года, подло прикрывшись началом летней Олимпиады в Пекине, Саакашвили, тогдашний грузинский президент, начал войну в Южной Осетии. Его военная авантюра закончилась полным фиаско. Зарычали российские военные колонны и двинулись к Рокскому тоннелю, который связывал Северную Осетию с Южной. Началась операция «Принуждение к миру». В результате и Южная Осетия, и Абхазия – родина Ахры – получили тогда независимость.

Для меня как журналиста Осетия стала тогда первой горячей точкой, где я побывал. И с той войны я к Олимпиадам потерял интерес. Говорят, что они символизируют мир. Это утверждение неверно. На самом деле в древние времена спорт, спортивные соревнования были тренировками к военным действиям. На войне и сейчас метают диски и копья, бегают и прыгают, носятся на колесницах. Тут вам пожалуйста и бросание ядер, и бег с препятствиями, а про стрельбу я вообще молчу, её слышно, когда она говорит сама за себя.

Как на Олимпиадах, на войне есть и свои чемпионы-медалисты. Одним из таких «чемпионов» и стал Абхаз.

► Абхаз вернулся. Снова в Донецке

В 2014 году он приехал из Абхазии во главе отряда добровольцев, который потом разросся до интернациональной бригады «Пятнашка». За прошлую военную кампанию Абхаз был награждён званием Героя ДНР. Его батальон отличился в боях за Иловыйск, Шахтёрск, Дебальцево, Донецкий аэропорт.

Но не только на войне показал себя Абхаз. Ахра – парень отчаянный, и в период затишья между военными действиями он успел совершить революцию в Абхазии и сместить правительство. Правда, и с новой абхазской властью Ахра не сошёлся характером, его чуть не посадили.

Недавно, как только закончилась новая, только уже зимняя Олимпиада в Китае, на Украине началась операция по демилитаризации и денацификации Украины. И Абхаз снова приехал сюда и собрал свой пёстрый ансамбль.

И кого только в его «Пятнашке» нет! Враг называет нас «орками»? Хорошо, принимаем терминологию противника! Но тогда бородатые «гномы» – за нас. С Абхазом и за соседними столами сидят «лица кавказской национальности». Но не только с Кавказа. Зашёл рыжий парень с хасидской бородой. Оказалось, да, действительно еврей.

В батальоне вместе служат абхазы, осетины, русские, азербайджанцы, кабардинцы, казахи, молдаване... Да, тут целый Советский Союз! Все собрались под крылом Абхаза, чтобы прогнать нацистских «эльфов» с Украины.

– Мы цыгане, – так говорит о своём подразделении командир.

Раздав поручения, Абхаз подымается из-за стола, и его табор начинает движение. Все рассаживаются по машинам, и мы едем на базу.

В автомобиле Абхаз слушает как кавказские песни, так и русский шансон. Ну и, конечно же, звучит чеченский бард Тимур Муцураев. Куда же без него?

Расположением батальона служит офисное здание. Мы заходим в него, поднимаемся в кабинет Абхаза. Стоят три стола, на двух – потухшие компьютеры. На полу возле открытого сейфа лежат РПГ и РПК, гранатомёты и пулемёт. На столе канцелярские принадлежности: скрепки, ручки – валяются вперемешку с патронами. Предметы мирной жизни смешались с предметами войны.

– Въехали мы пару дней назад, – рассказывает Абхаз, – пока здесь творческий беспорядок, но мы порядок наведём. Если через неделю порядка не будет, то всех штабных придётся уволить, – шутит Ахра.

Но Абхаз может быть не только веселым, но и строгим.

– Почему, Вася, мне звонят, Вася, по любому поводу? – отчитывает он через некоторое время по телефону своего подчинённого. – Пусть, Вася, тебе звонят. Не я должен это решать.

Всё верно. Не знаю, заканчивал ли Ахра какие-либо университеты, но одно из основных правил менеджмента знает – руководитель не должен лично заниматься всеми вопросами. Иначе какой же он руководитель, если не может руководить? А ведь военное дело – это не только умение воевать. Это прежде всего логистика. Солдат должен быть сыт, одет, обут. И за снабжение бойца отвечает его командир. В бывшие офисные помещения заносят матрасы, коробки, сумки – всё необходимое, чтобы наладить быт.

А «Вася» же – это не имя, это такая абхазская присказка типа хорошо уже нам известного чеченского «Дон». Первоначально имела смысл, но уже стала междометием. Возможная тема для какого-нибудь научного исследования по филологии.

На столе рассматриваю логотип «Пятнашки». Открытая ладонь с абхазского флага, готовая для врагов сжаться в кулак. Вокруг руки россыпь пятнадцати звёзд: их было пятнадцать – пятнадцать добровольцев в 2014 году прибыли из одной непризнанной республики в другую, чтобы помочь. На логотипе по бокам нарисованы флаги Абхазии и ДНР.

Теперь их уже целый батальон. Бойцы прибывают, их на базе становится всё больше и больше. Кабинеты и коридоры наполняются людьми. Людьми разными по возрасту, национальности, профессии.

Например, заместителем Абхаза является депутат украинской Рады VII созыва Александр Бобков. Когда случился переворот на Майдане, он не мимикрировал под новую власть, не переобулся, как многие его коллеги, а, как действительно народный депутат, вернулся в Донбасс, чтобы с оружием защищать своих избирателей, чьи права на жизнь и самоопределение были нарушены.

В «Пятнашке» служат и депутат, и работяга. Но все они стрелять умеют. Щёлк-щёлк-щёлк – один из бойцов набивает в магазин пулю за пулей. Если любой сперматозоид во время эякуляции может зародить жизнь, то любая пуля, выпущенная из автомата Калашникова, может стать причиной смерти. Сперматозоид и пуля – это метафорические антонимы. Начало и конец. Альфа и омега.

► Бойцы интернациональной бригады «Пятнашка»

Батальон не только интернациональный, но и разнородный. Я знакомлюсь с медсестрой Юлей. Ей тридцать лет. За её женскими плечами десять лет стажа медика-анестезиолога. Юлия родом из Харькова. В 2014 году, когда город захватили нацики, Юлия уехала в Донбасс и с тех пор служит в батальоне. Надеется в Харьков вернуться. И она обязательно вернётся.

За своим рабочим столом Абхаз листает карты будущих сражений.

– Краматорск... Запорожье... О, Днепропетровск! Хороший город. Главное, застать там одного седого бородатенького чёрта, чтобы задать ему пару ласковых вопросов. – Абхаз имеет в виду украинского бизнесмена Коломойского, его он хочет допросить. По-видимому, с пристрастием.

– Товарищ командир, мне бы оружие. – В кабинет зашёл высокий детина, кровь с молоком. Это точно пулемётчик, подумал я. Хотя я на войне и новичок, но пулемётчиков уже научился определять. Все они высокие, румяные и здоровые. И точно, я оказался прав – здоровяку выдали огромный пулемёт.

В полку ещё прибыло: в кабинет зашли трое кавказцев.

Радостно стали обниматься с Абхазом. Вар-варвар, – заговорили по-своему, – вар-вар-вар. Оказалось, приехали кударцы из Южной Осетии, ещё одной непризнанной республики. Роланд – таким изысканным именем представился один из них. Двух других его товарищей зовут Олег и Руслан. За Донбасс этому осетинскому трио воевать не впервой, здесь они были и в 2014–2017 годах.

Эх, хорошо жить в империи! Много нас, разных. Нас тьмы-тьмы-тьмы. Мы Орда, если хотите – пожалуйста, мы не против. А против мы нацизма. И за свой родной «Мордор» постоим. И отношения к русским «эльфам» не простим.

Да, скифы мы. И азиаты – я беседую с парнем, у которого позывной «Казах». Тридцать два года, родом из Оренбургской области. Воевал в первую донбасскую – родители поздно узнали, где их сын. Не знают они, где он и сейчас: Казах сказал, что уехал в Москву на заработки. Его товарищ, молодой абхаз из Сухума, тоже не поставил мать и отца в известность о своих намерениях. Вещи собирал по соседям, а родители всё узнали уже по факту.

Есть в батальоне казахи, есть и казаки, я знакомлюсь с капитаном запаса с позывным «Казак». Сорок один год, приехал воевать сюда ещё в 2015 году. Воевал за казаков, за русских, за бабу из Моспино Донецкой области. В России у него растёт сын. И сын гордится отцом. Папа – герой.

С кем ещё удалось поговорить? С тремя высокими и статными кавказцами из Кабардино-Балкарии, донецким азербайджанцем Гасаном и с русским парнем Артёмом. И все, все они взяли оружие, потому что не могли оставаться безучастными, когда увидели, как на Украине самые убогие представители одной нации вообразили, что им позволено унижать в правах и уничтожать другую национальность.

Батальон «Пятнашка» получил боевую задачу укрепить фронт под Авдеевкой. Основные силы милиции ДНР брошены на южное направление, к Волновахе и Мариуполю. Там идут жаркие бои. Сил, чтобы отодвинуть фронт от Донецка, не хватает. Поэтому столицу Донецкой Народной Республики постоянно обстреливают. Достают не только до примыкающих к фронту районов, бывают прилеты в центр. Раскаты канонады здесь слышны как ночью, так и днём.

Но так будет не всегда. После Мариуполя и Волновахи наступит очередь и Авдеевки, занятой ВСУ. Подразделение Абхаза собирает караван до Спартак – соседнего промышленного района. Грузят в машины матрасы, различную утварь, инструменты, оружие, боеприпасы. Абхаз самолично помогает, прикручивает на крышу деревянные поддоны. Ничего не забыли? В багажник ставят полведра лимонок. Хороший урожай.

Через весь город доезжаем до позиций в Спартаке. Если находясь в центре Донецка, можно ещё поддаться иллюзии мирной жизни, то здесь война – вот она, сразу за городом. До позиций ВСУ 200–300 метров. Стоит обдолбанный, весь в дырах и выбоинах от мин и снарядов промышленный цех. Но стоит, надо отдать должное его прочности – в Советском Союзе строили на века. Крыша какая-никакая есть, и ладно.

Бойцы начинают выгружаться, заносят бензогенератор. Устанавливают его, заводят. Затарахтела машина – да будет свет. Выгружают боеприпасы – мины, РПГ, снаряды, – инструменты и расходные запчасти для ведения войны.

Пау! – слышны выходы мин. И через некоторое время снова – пау. По нашим позициям идёт обстрел – с той стороны шлёт подарки смерти блуждающий миномёт. Скорее всего, его перевозят на машине. Машина останавливается, миномёт стреляет, едут дальше. Накрыть ответным огнём его трудно, который уже день он создаёт неудобства, рассказывают мне.

Ещё одно лицо батальона «Пятнашка» – невысокий крупный мужик с позывным «Угрюмый». Стою с ним рядом, разговариваем. По одному суровому лицу Угрюмого видно, что мужик он бывалый и убивать врага умеет. До «Пятнашки» Угрюмый воевал в батальоне «Сомали», а начинал боевую карьеру ещё со Славянска. И, думаю, в Славянск Угрюмый ещё попадёт.

В развороченный минами и снарядами бокс заходит отряд юнцов во главе со взрослым мужчиной. Как будто учитель с группой школьников пришли на экскурсию. Группа вернулась со стрельб. Ребятам лет по двадцать – двадцать три, мобилизованы всего несколько дней назад. Им выдали форму и сразу отправили на позиции – теперь ты в армии, сынок. Стрелять им приходится учиться уже в полевых условиях.

Мобилизация выгребла всё мужское население Донецка. На мойку машину заводишь – одни девушки работают. Все мужчины встали под ружьё, и стар и млад. Студенты, слесари, водители, инженеры стали осваивать новую для себя профессию. Беседую с бывшим работником ЖЭКа. Анатолий, сорок четыре года. Работал электриком. Собирался семьёй в отпуск, в Абхазию. А теперь Абхазия сама к нему приехала. Такой вот бойцовский клуб – кто в лес, кто по дрова. Кавказцы, казаки, слесари, студенты... Всем миром навалились на фронт...

► Солдатский быт на позициях

С Абхазом выдвигаемся уже непосредственно на позиции. Идём по разминированной тропе. Слева деревья в снегу стоят, справа – поле, прикрытое от обзора кустарником. Пока тихо. Пока...

Впереди идёт кабардинец с автоматом – противник близко, надо быть настороже. Другие два бойца катят печку-буржуйку. Скрипит, гроыхает тележка. Замыкает странное шествие Абхаз с ведром лимонок – со стороны выглядит как сцена из фильма Кустурицы.

На оборонительном пункте уже обживаются. Стоят часовые у входа. Следующая группа заносит внутрь тёмного помещения с забаррикадированными окнами деревянные настилы, матрасы. Боец из «Пятнашки» готовит к работе РПГ – одноразовые шприцы войны. Распаковывает снаряд из полиэтилена, уверенными движениями прикручивает пороховой стабилизатор. Вставляет снаряд в ствол. Раз! Вложил, прокрутил – готово. Отложил. Взял следующий снаряд.

Завезли печку, пристроили её к трубе. Накололи дров, развели огонь. Где огонь, там тепло, там жизнь.

– А разве с той стороны дым не заметят и не начнут обстреливать?

– Мы бы на их месте так и поступили. Будем рассчитывать на их благоразумие.

Абхаз снова смеётся. Но за этой весёлостью имеется большой опыт полевого командира. Абхаз и его команда готовы не только к неожиданностям со стороны неприятеля. Они способны и сами устраивать сюрпризы врагу. «Пятнашка» готова как отражать наступление, так и сама идти на прорыв.

Сейчас батальон Абхаза укрепил фронт под Авдеевкой, и тут «эльфы» точно не пройдут. Скоро они и сами угодят в котёл. Большой донбасский котёл.

Батальон «Спарта». Молодое поколение Z

15 марта 2022 г.

– Блять, беспилотник!

– Где?!

– Вот, смотри!

Палец тыкает в экран на передвигающийся в небе чёрный отрезок. Отрезок кружит, забирая то влево, то вправо одним и другим своим концом.

– Точно, беспилотник. Прямо над нами.

– Ну, всё, пиздец.

Лица присутствующих напряглись.

Появление над тобой беспилотных летательных аппаратов противника означает, что скоро будет обстрел. С высоты птичьего полёта не видно, конечно, две бронемашин, загнанные в укрытие. Но возле здания стоят припаркованные Z-автомобили, входят и выходят группы солдат – оператору ВСУ без труда можно догадаться, что внутри скопление военных и какая-нибудь техника.

Воха резко дёргает дверь, выходит, пристально щурясь, смотрит вверх. Возвращается через некоторое время:

– Нет, это птица!

Птица. Это птица. Оказывается, что в небе над городом, в котором идёт бой, летают не только беспилотники.

* * *

Чтобы добраться до Волновахи из Донецка, надо проехать Докучаевск, и ехать полями и сёлами, а не напрямую по Мариупольской трассе, как показывает стрелка навигатора. В 2014 году навигатор многих заводил в плен – в украинский плен.

Обходная дорога вся в ямах от разрывов. У обочины попадаются горелые бэтээры со спущенными гусеницами и разбитые танки. Это не наши танки – дула направлены на нас. В полях замечаешь расставленные пушки. Это наши пушки. Они стреляют по врагу. Иногда ты слышишь, как они дают залп.

В населённых пунктах стоят блокпосты, и солдат с белой повязкой на рукаве приветственно поднимает руку, когда видит на твоей машине знак Z. Это наши солдаты. Враг был здесь недавно, но сейчас его отогнали в Волноваху. И сейчас там, в городских кварталах, идут бои. Бои тяжёлые.

В Бугасе беженцы. Стоят у администрации вперемешку гражданские и солдаты, женщины, дети, старуха, автобусы, легковушки и военные Z-грузовики. Это наши люди и наши машины. В Бугасе относительно безопасно, насколько может быть безопасно в освобождённом посёлке, примыкающем к фронту. И чтобы попасть в Волноваху, нужно ехать дальше по прямой. Вот там уже опасно.

После моста дорога Бугас – Волноваха хорошо видна и хорошо простреливается противником. Дорога вся чёрная от грязи, огня и раскрошенного асфальта. Везде валяются осколки и куски железа, посланного, чтобы разорвать, раскурочить такой же сочленённый деталями металл в виде автомобиля, танка или бронемашин. Но не только его. Ракеты и снаряды стремятся пробить броню и вонзиться осколками в живую плоть, заключённую в чреве машины.

Поэтому здесь желательно ехать с очень высокой скоростью, и, чтобы попасть в Волноваху, наш внедорожник несётся со скоростью 140 км в час.

На въезде в город дымится в снегу и грязи БМП. Это наша БМП. Наша к сожалению, потому что она подбита. Рядом в ремонтный цех загнаны ещё две бронемашины, они на ходу и готовы к бою. Между ними кучкуются и ходят солдаты с красными повязками на руках. Это «Спарта». Наша «Спарта», наши штурмовики. Они тоже готовятся.

У входа курят двое бойцов. Лица измождены, все в саже. Видимо, они уже на ногах долгое время. Краем уха слышу из разговора, что у одного нет перчаток. Как раз для таких случаев я взял две пары, и я их отдаю.

– Что, трудно, мужики? – спрашиваю.

– Да, тяжело, – отвечают.

► Волноваха. Спартанцы перед боем

Ратный труд тяжкий и сопряжён со страданием. Поэтому в любом народе сформирован устойчивый образ воина как святого, охраняющего и спасающего мир. Хотя если рассматривать солдата на соответствие заповедям, то он отнюдь не святой. Например, он, как правило, пьёт, курит и сквернословит. И если взглянуть отстранённо и непредвзято, то солдат сеет смерть – этого нельзя отрицать.

Всё так. Но при этом солдат претерпевает невыносимую жару и жгучий холод, усталость, голод, сон и мучения при ранении. И зачастую солдат сам погибает. На войне он всегда жертвует собой, полностью или частично – тут уж как повезёт.

Именно эти страдания, эта жертва собой, своим телом, делают его святым, снимая с него грехи.

Мы приехали на наблюдательный пункт и смотрим бой в режиме реального времени. Спартанцы установили камеры на вышке и теперь могут отслеживать врага, оперативно корректировать огонь и организовывать свои действия. Командир спартанцев Воха, смотря в экран, выстраивает стратегию дальнейшего штурма.

– Эти четыре танка едут сюда. Потом пойдут БМП с пехотой. Здесь мы накапливаемся, здесь будет плацдарм, – Воха тычет пальцем в экран и тут же обводит это место на карте.

Несмотря на свою молодость – ему нет и двадцати девяти лет, – Воха человек опытный. Он был правой рукой Моторолы, знаменитого командира «Спарты», и вместе с ним он разбирал на ненужные детали украинских киборгов в Донецком аэропорту. Моторолу убили, и

Вохе было всего двадцать три года, когда он принял командование. Но как отбивать у противника этаж за этажом, дом за домом, Воха знает хорошо. Воха не только командует, но и всегда лично участвует в штурмовых операциях. Но, пожалуй, как для командира, штурм Волновахи – это первая для Вохи по такому масштабу операция. Но нет сомнений, что с этой задачей он справится.

Мы отдаём спартамцам то, что должны были привезти, возвращаемся на опорный пункт и ждём, когда обстрел закончится.

Пахнет дымом и дизелем. Над Волновахой вздымаются дымки-вихри разрушений. По городу катится каток войны. Доносятся разрывы, хлопки и рокот автоматов. Бог войны грохочет, хохочет и ухает. Он собирает жатву в виде разрушений и человеческих жизней. И наших, и чужих.

Наконец артиллерия стихает.

Из Волновахи выезжает легковушка с белой тряпкой, зажатой боковым стеклом. Ей делают знаки остановиться. В автомобиле семья. Мужчина и женщина с тремя детьми. Им нужно в село Ближнее, там лекарства для малолетней дочери и старые родители. Женщина волнуется и готова разрыдаться. Но в Ближнее ехать опасно, да и невозможно – на дороге военная распутица, она разрыта взрывами и гусеницами бронетехники.

Мы уговариваем ехать семью за нами, в Бугас. В Бугасе безопасно, относительно безопасно. Оттуда эвакуируют в Донецк, там есть лекарства и еда. Но чтобы попасть в Бугас, надо снова преодолеть опасный участок дороги. Мы отдаём женщине бронежилеты, чтобы она могла укрыть детей, и двумя машинами на большой скорости преодолеваем его. В Бугасе мы передаём семью на попечение гуманитарных служб. И едем назад в Донецк.

Вернувшись, мы узнаём, что Воха погиб спустя полтора часа, как мы уехали.

* * *

Звонит телефон. Мы в командном пункте аэропорта Донецка. Донецкий аэропорт – это ещё одно направление, где работает «Спарта». Направление традиционное, здесь в 2014–2015 годах основатель «Спарты» Арсен Павлов, которого все знают по позывному «Моторола», вместе со своими бойцами развеял миф о непобедимости украинских киборгов. И сейчас здесь обосновались спартамцы, которые ведут против противника позиционную войну.

► Птурщик «Спарты»

Территория аэропорта и прилегающего района постоянно обстреливается противником из миномётов. Обстрел монотонный. Раз в четверть, в полчаса сюда прилетают мины, запущенные с той стороны.

Бум! – вибрирует здание от очередного прилёта. И почти сразу на командном пункте, скрытом в лабиринтах одного из терминалов, раздаётся телефонная трель. К телефону подходит Весёлый, один из командиров «Спарты». Худое лицо Весёлого серьёзно, он берёт трубку.

– Прилёт по терминалу, – докладывает ему дежурный наблюдатель.

– Принял.

Учёт! На войне тоже важен учёт! Вся информация собирается, принимается и анализируется. На её основе принимается решение.

Теперь Весёлый уже сам вертит ручку телефона и вызывает бойца.

– Так, – показывает он ему место на карте, – возьми ещё кого-нибудь, бери установку, ракету и готовься поражать здесь цель.

Имеется в виду противотанковая ракетная установка.

Но целью расчёта ПТУРа обозначен не танк, а блиндаж противника, расположенный на территории, примыкающей к аэропорту. По разведанным в него зашли четыре человека. То есть четыре врага – поправка.

Позывной у старшего группы ласковый – «Мишаня». Он действительно похож на медвежонка: небольшого роста, выглядит в разгрузке округлым, нос курносый, молодецкие усики, щербатая улыбка. Но сейчас этот ласковый Миша пойдёт и выпустит по блиндажу противника противотанковую управляемую ракету.

– Знаешь что... нет... – раздумывает Весёлый, – возьми две, давай ты две ракеты запустишь. Чтoб наверняка. Только номера перепиши, потом отчитаешься.

Учёт. Важен учёт. И на войне есть своя бюрократия. Приходите, распишитесь, получите. Мишаня с напарником, таким же юным, как и он, берут установку и два тубуса с ракетами. Ещё они берут с собой в помощь молодого новичка, который на боевой выход ещё ни разу не выходил. Новичку надо учиться, он должен набираться опыта. Этому в школе и институте не учат.

А я вот, глядя на них, отвлечённо размышляю. Почему весь этот молодой, журналистский и культурный, а точнее, околокультурный столичный бомонд, вся эта «прогрессивная молодёжь», эти навальнисты-протестанты, мальчишки-девочки непонятной ориентации, сидящие в кафе и лайкающие за постом пост, студентки с фиолетовыми волосами и винишко-тян, феминистки, инстаграмщицы-бьюти, все эти худощавые прыщавые хипстеры, разворачивающие плакатики против войны, и все-все-все молодые светлолицые жители «Фейсбука»², которые поставили на аватарки враждебные флаги чужой страны, – почему все они присвоили право считать себя голосом молодого поколения? Почему исключительно их принято называть молодёжью? А разве молодые российские солдаты, которые ведут бои за Харьков и Киев, разве спартанец Мишаня с двумя противотанковыми ракетами и двумя напарниками, идущими на опасное задание, – разве все они не молодёжь?

По мне, так вот оно, новое поколение! Поколение Z, если угодно. И пусть Z – это последняя буква английского алфавита, но вот молодые российские солдаты возьмут Харьков и Киев, закончат войну, и за Z последуют русские буквы: А, Б, В и так далее. Тогда и начнётся русский алфавит. Именно за него настоящая молодёжь и воюет.

Но сначала, чтобы приблизить победу, Мишане нужно запустить в блиндаж нациков две ракеты.

Мы также журналистской группой в три человека идём вместе со спартамцами на вылазку, чтобы снять эксклюзивный материал. И в этой группе, несмотря на свой зрелый возраст, я тоже новичок: я впервые на таком задании и нахожусь под впечатлением.

Окрестности Донецкого аэропорта представляют собой картину постапокалипсиса. Как будто всё самое страшное произошло, но что-то подсказывает тебе, что, возможно, страшное ждёт тебя ещё впереди.

На открытом пространстве видны мёртвые, разбитые терминалы. Дорожные полосы усеяны осколками мин. Это дары смерти. Повсюду разбросаны камни, куски асфальта и ошметки железа. По пути вижу несколько мин, вкрученных в асфальт, видны ребристые хвостовики.

Аэропорт... Когда-то тут летали самолёты... Но произошёл какой-то сбой в мироздании, «мир вывихнул сустав», и вместо самолётов сейчас здесь летают мины, снаряды и беспилотники. И ракеты тоже. Две сегодня запустит спартанец Мишаня.

² Принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией и запрещенной в РФ.

Расчёт ПТУР настраивается на цель

Мы идём цепью, держа расстояние в пять-шесть метров, чтобы в случае миномётного обстрела потери в нашем отряде были минимальны.

Впереди, приближаясь к нам, высятся мрачные полуразрушенные здания с мёртвыми глазницами окон. В одно из них мы заходим. С его крыши и будет работать ПТУР.

Поднимаемся наверх. Пролёты, где нет стен, стараемся пробегать. Насколько это возможно, нужно соблюдать осторожность – может работать снайпер. Поднимаемся в пристройку на крыше. Спартанцы устанавливают на кирпичи фотоаппарат, и через брешь в стене оператор расчёта корректирует фокус на цель, всматриваясь в экран. В это же время Мишаня на крыше устанавливает станок и тоже наводит прицел. Есть.

Активная часть операции занимает не больше минуты. К лежащему стрелку один из бойцов подносит тубус с ракетой, и вместе они устанавливают его на станок. Боец отбегает в помещение.

– Выстрел! – стрелок нажимает кнопку.

Фьюить! Пах! Вжууу! – изрыгает огонь тубус, и ракета, виляя, улетает к цели.

Первая пошла. Пустой тубус стрелок открепляет и уверенно сбрасывает вниз. Ему подносят второй. И вот ещё одна ракета устремляется в блиндаж противника. Взрыва мы не слышим, но видим на экране фотоаппарата бесшумное и снежное «Ба-бах!». Мы видим, как ракета достигает цели.

Обратно мы возвращаемся тоже прореженной змейкой, только уже бегущей изо всех сил. Как правило, со стороны противника после таких вылазок следует обстрел. И когда мы забегаем в укрытие, он действительно начинается.

В командном пункте Мишаня отчитывается перед Весёлым. Цель поражена. Задание выполнено. Но когда стемнеет, один из спартанцев вернётся, чтобы подобрать пустые тубусы. Они необходимы для отчётности.

Вас ждет огонь смертельный

24 марта 2022 г.

Ба-бах! И через секунду снова – ба-бах! Как будто пришёл огромный великан и грохочет своими железными чемоданами. Каждое утро ты просыпаешься от грохота артиллерийской батареи. Прислушиваешься... Так... Это наши бьют. Спустя некоторое время слышны близко разрывы – а это уже бьют по нам. Ты уже, как любой, от мала до велика, житель Донецка научился различать выходы и прилёты.

С самого утра с пока ещё украинской Авдеевкой начинается артиллерийская дуэль. Но это давно уже не новость. За восемь лет ВСУ сделали под Донецком укрепрайон, и за его рубежами они обстреливают Донецк, терроризируя мирное население. Больше всего достаётся Петровскому району. Но страдают не только прифронтовые городские территории. И в центр прилетают «грады». И мины, и снаряды. Уже восемь лет. Но так будет не всегда.

Сейчас основные силы армии ДНР брошены на южное направление, и пока что выбить ВСУ из Авдеевки, отодвинуть от Донецка, не представляется возможным. Пока не представляется. Но когда возьмут Мариуполь, за Авдеевку возьмутся всерьёз. Отольются ей детские слёзки.

А сегодня мы группой журналистов, нашим маленьким оркестриком под управлением войны, едем к нашим артиллеристам на юг.

Все войны разные, говорят побывавшие на этих разных войнах люди с опытом. В недавнем вооружённом конфликте в Нагорном Карабахе, где я побывал, решающую роль сыграли турецкие беспилотники. Сейчас здесь уже всем известно, что война в Донбассе – это война артиллерий. Степи, ровные степи кругом, конца нет, нет края – появляется возможность маневрировать и быстро перемещаться по пересечённой местности. Чтобы, обнаружив на марше либо в укрытии технику и живую силу противника, разгромить её.

Самой манёвренной и распространённой в донбасских степях машиной артиллерии является РСЗО «Град». И мы едем снимать работу реактивной артиллерии.

► РСЗО «Град» на перезарядке

За окном поля и степи, степи и поля. Мы едем уже по отвоёванной территории. Примелькались стелы с надписью Harvest. Этой корпорации принадлежит множество агрокомплексов на освобождённой территории. Чьи это поля? Это поля «маркиза» Ахметова, украинского олигарха. Говорят, в 2014 году Мариуполь не взяли по его звонку. Может, это, конечно, фейк, но факт остаётся фактом – наступление на Мариуполь, набитый ахметовскими активами, в 2014-м внезапно остановилось. Наверное, наверху думали, что можно договориться. Не получилось. Оказалось, что с нацистами ни о чём договариваться нельзя. Для них безумные идеи дороже любого минского и неминского договора. И теперь цена Мариуполя, напичканного вооружёнными украинскими нацбатальонами, выросла в десятки, если не сотни раз. В городе сейчас идут очень тяжёлые бои. Чубы трещат – мы платим гораздо более высокую цену, чем могли бы заплатить восемь лет назад, если бы не учитывали чьи-то бизнес-интересы.

Подъезжаем к одному из фронтовых штабов, где нам должны дать проводника. Штаб расположен в частном секторе в одном из деревенских домов. Нас встречает трёхногая собака – ты ничему не удивляешься. Повсюду среди разрушенных и заброшенных домов бродят голодные бродячие коты, голодные бродячие собаки. Увидев человека, они ластятся к нему, выпрашивая еду. Я видел уже несколько собак хромых, а вот и трёхногая. На войне страдают не только люди, но и животные. А люди на войне могут быть хуже животных.

Так. Сели, поехали. Взобрались на возвышенность – высоко сидят наши артиллеристы, далеко глядят. И стреляют тоже далеко: у дороги врыты гусеничные бронемашины – толстые и длинные дула нависли над стальным брюхом. Это что за звери? Оказались не звери, а цветы – вдоль дороги выстроилась батарея самоходных установок «Гвоздика». Эти цветы – вестники разлуки – разлуки с жизнью. Они готовы дать прощальный для врага залп. Рядом в кругу у печки стоят чумазые мужички. Это наши танкисты. Они ждут приказа. Как только он поступит, так сразу дула «гвоздик» покажут свою потенцию.

Едем дальше, к побережью. Взираемся ещё выше. Въезжаем в курортную зону. Бывшую курортную зону.

Видно, она не раз и не два подвергалась обстрелам. У многих зданий разрушены стены, стёкол нет, штукатурка вся обвалилась, обнажив сырое мясо кирпичей. У дерева во дворе перевернутый взрывной волной лежит скелет разобранного автомобиля. Повсюду кучи мусора. Мусор всегда сопровождает войну. Война катится по земле, оставляя после себя не только разрушения и жертвы. После неё остаются бумажки, тряпки, обрезки, ошметки, обломки, деревяшки, полиэтиленовые пакеты и много-много пластиковых бутылок. Война не только грязное, но и мусорное дело. И после войны придётся собирать не только камни, но и мусор.

Выходим из нашего Z-автомобиля. Идём за нашим провожатым между завалами. Заворачиваем и видим: на пустыре стоят три железных четырёхколёсных монстра – три «Урала» скалятся радиаторами. Вместо кузова подняты прямоугольные пучки ракетниц. Это «грады».

И это бывшая курортная зона – где-то совсем недалеко море. Море – эта ровная и спокойная, натянутая до горизонта синяя гладь воды. Курорт и «грады». Сюрреализм. Когда-то это место было райским уголком, а сейчас это плацдарм для inferнальных машин, способных постучаться в ворота ада.

В 1943 году при наступлении под Курском реактивный огонь множества «катюш» привёл в ужас фашистов. И теперь снова выходит на берег «катюша», и снова наносит удары по нацистам. Правда, точно так же, как и «катюши», нацисты модифицировались в наше время. Они стали более экипированы, но суть их осталась та же пещерная – человеконенавистничество по какому-либо признаку. Что у гитлеровцев, что у украинских неонацистов сущность одна. Разве что немцы пообразованней будут. И русские наики мало чем отличаются от своих собратьев по белой расе – не забудем и не простим мы и своих ублюдков.

Всех нацистов тянет друг к другу. В батальоне «Азов», который засел в Мариуполе, собрался нацистский интернационал из разных стран. Абсурдно, но факт – множество русских националистов, когда в 2014 году началась война и запылали свастики на другом берегу, сразу же перебежали, чтобы убивать русских людей.

«Украина понад усе!» – это лозунг украинских националистов. В этом «uber allies» по-украински слышится «русские, убирайтесь!». Нацисты требуют везде: в школах, в общении, на телевидении – господства только одного языка, в нашем случае украинского. Не нравятся – уезжайте в Россию, говорят они. Несмотря на то что большая часть Украины разговаривает и думает на русском, нацисты не любят, чтобы разговлялись российской. Вот поэтому нацистам урок русского языка придётся преподавать с помощью РСЗО «Град».

Наша пехота просит огня – нацики из «Азова» засели на территории ахметовского предприятия «Азовсталь». Получен приказ ударить ракетами по «Азову» – и тому и другому. С активами господина Ахметова на этот раз никто считаться не намерен.

► Артиллеристы РСЗО готовятся к залпу

Артиллерист, получив по радиации сигнал, бежит к кабине, садится и поворачивает ключ... Как ни стараешься быть готовым, но ты всё равно вздрагиваешь от первого пуска. Выву! Выву! Выву! Выву! – вылетает ракета за ракетой.

Зрелище, конечно, впечатляющее. Всё-таки не перестаёшь удивляться человеческой выдумке! А точнее, нечеловеческой. Какие только дьявольские штуки люди не напридумывали, чтобы убивать друг друга в большом количестве! Вот до чего дошёл прогресс! Как бы ни хотели учёные, как бы ни старались, всё равно на выходе у них получается оружие. Оружие всё более смертельное, всё более изощрённое.

Выву! Выву! Выву! Выву!

Когда находишься в такой близости от работающей РСЗО, напряжение не отпускает тебя. Как бы ты ни старался остаться человеком, но от таких громких, резких, неестественных и непривычных звуков ты на время превращаешься в загнанное, забитое, испуганное животное.

Выву! Выву! Выву! Выву!

Ох-ох-ох. Может, это сон? Наваждение? Злой морок! Медленно падает снег, сгорают в памяти фотокарточки с мирной Советской Украиной. Всё превращается в пепел и золу. И сквозь снежные помехи просматриваются стальные чудища, которые, изрыгая огонь, выстреливают чёрными иглами ракет.

Выву! Выву! Выву! Выву! Выву! Выву!

Вы-ву!

И вдруг наступает тишина...

Задача выполнена, адская машина выпустила по «Азовстали» пакет из сорока ракет. Да... Ничего себе! Я постепенно прихожу в себя. Меня ещё трясёт с непривычки. То ли от холода, то ли от нервного возбуждения. После того как ты увидел адский огонь, ты уже никогда не будешь прежним. Ведь не только ты посмотрел в бездну, но и бездна в тебя пристально всмотрелась. И посеяла в тебе зёрна безумия.

– На перезарядку!

«Урал» урча уезжает за новым боекомплектom.

Через некоторое время по рации артиллеристам сообщают, что все ракеты пришли по назначению.

* * *

По дороге в Мариуполь мы с целью знакомства заезжаем к приехавшим в Донбасс чеченцами. Строго говоря, это первые регулярные российские войска, которые я увидел в Донбассе. Как бы иронично это ни звучало, но наших «ихтамнетов» действительно до недавнего времени здесь не было. Всё наступление на Донбасском фронте осуществлялось с помощью мобилизационных сил Донецкой Республики. Но вот за Мариуполь – этот крепкий орешек – приходится браться всем разом. Поэтому в помощь сюда и направили «чехов». Местность, конечно, для кавказцев непривычная – никаких гор, кругом степь да степь до горизонта. Но бои в городской застройке им должны быть хорошо знакомы.

Чеченские бойцы просят мобилу, чтобы позвонить родным. Осторожно интересуются, что там в Мариуполе творится. Взяли или нет? Когда возьмут? До них не доводят информацию. Очевидно, это резерв, который ещё не бросили в бой. Мы говорим, что говорят и нам – в Мариуполе идут тяжёлые бои. И даём всем желающим позвонить домой.

Вот она, историческая ирония! Мы воевали в Чечне двадцать семь лет назад, и казалось, не замирить наши народы. Но вот выросло новое поколение, и теперь русский с чеченцем вместе освобождают города на Украине. Тогда, в 90-х, чеченцам помогали украинские националисты. А теперь чеченцы вычищают эту коричневую плесень с побережья Азовского моря.

Так, глядишь, и самые упоротые украинцы лет через двадцать тоже снова станут братьями. Но только при условии нашей Победы. Она сейчас нам очень нужна. Нам нужен Мариуполь. Нам нужны Харьков, Николаев, Киев, Одесса.

Село Виноградное уже считается кварталом левобережного Мариуполя. Взять отсюда город с наскока не удалось. Первая колонна российских морпехов, зашедших в город, потеряла много техники. Сейчас продвижение в городских застройках идёт медленно. Медленно, но хотя бы верно.

► БТР. Наш БТР

В частном секторе Виноградного оживление. Грохочет и пылит военная дорога. Бронемашины заходят в город, из города выходят небольшие группы беженцев и солдат. В селе развёрнуты временные пункты дислокации, полевая кухня. Я захожу к медикам, знакомлюсь с их трудовыми буднями и бытом.

Медчасть временно располагается в одном из брошенных частных домов. Дислокация медчасти всегда временна. Когда идёт наступление, медики идут вместе с обозом вслед за наступающими войсками.

В медчасти числятся четырнадцать человек: двенадцать санитаров и две женщины – заведующая медчастью и медсестра Равиля, татарка донецкого происхождения. Большинство личного состава, люди опытные. В народной милиции служат ещё с 2014–2015 годов, уже многое повидали.

В функции фронтовых медиков входит оказание первой медицинской помощи раненым и передача их для транспортировки в Новоазовск или Донецк. Но помимо непосредственных обязанностей, приходится выполнять и другую работу. При мне санитару Денису выдернули в качестве водителя, чтобы завезти в город очередной отряд морской пехоты.

Ранения у бойцов различные: брюшные, артериальные, венозные. В шею, в пах, в голову, в лёгкие. Контузии, осколочные. Пулевых тоже много – в городе работают снайперы.

– ...ов! «Двухсотый»! – Равиля делает пометку в тетрадке. Многие ранения смертельные, в медчасти ведутся списки погибших.

Попадают сюда и люди гражданские. На днях принесли шестнадцатилетнего подростка. Пуля пробила ему грудь. Помощь оказывается всем.

На улице встречаю очередных беженцев из города. Стоят у забора бородатый парень в очках, двое небритых мужиков, женщина в пальто и платке. Взгляд у всех ошалелый. Подхожу, расспрашиваю.

Двенадцать дней они прятались в подвале. Когда загорелись соседние дома, они сбежали в ближайший садик и десять дней находились там, пока бойцы не эвакуировали их на броне.

В городе нет электричества, связи, тепла. Жители Мариуполя прячутся по подвалам, школам и садикам – кто где. В помещениях бывает так тесно, что некоторые спят стоя, рассказывают они. Им ещё повезло – другим из-за постоянных обстрелов выбраться из города невозможно. Беженцы, с которыми я беседую, благодарят за помощь российских военных.

Усатый мужик в ватнике и мятой шапке-петушке задумчиво смотрит в сторону и вдруг заявляет:

– А Мариуполя больше нет, его стёрли.

Волноваха – Мариуполь. Танец разрушения

30 марта 2022 г.

Кресты... Кресты... В Донбассе у дорог часто видишь кресты. И это не напоминание об автомобильной аварии со смертельным исходом. На донбасских дорогах там, где стоит дорожный крест, в 2014 году произошла одна из аварий мироздания, там шёл бой и погибли люди. Здесь останавливали украинские танки.

Когда видишь кресты, у дороги или на куполах церквей, ты крестишься. Это у меня уже вошло в привычку. Хотя в миру я, как человек с раздутым эго и как начитанный интеллигент, поражённый сомнениями и манихейской ересью, в церковь хожу редко. Я вырос в рамках русской культуры, но гордыня – мой самый страшный грех.

Но здесь не мир, а война. Крест – это символ страдания. Христос страдал за нас. Погибший в бою у дороги солдат страдал и принял смерть за нас. И когда ты накладываешь на себя распятие, ты этим жестом выражаешь единение с ними и со всеми православными.

Вот о чём я думаю, когда крещусь.

Мы едем в Волноваху, на первый после освобождения города молебен.

* * *

Волноваха представляет собой удручающее зрелище. Обращусь к другой традиции, индуистской. Есть в индуистской мифологии бог Шива – один из основных богов. Шива как создаёт мир, так и разрушает его. Созидание – мир – разрушение – и снова созидание. Цикл следует за циклом. Когда Шива разрушает мир, он танцует. Так вот, в Волновахе Шива натанцевался вволю.

► Волноваха. Центральная площадь. Зловещая украинская девочка

Как будто смерч пронёсся по улицам. Город разрушен если не наполовину, то на треть. Вспоротые взрывами крыши, разрушенные стены, чёрные подтёки на окнах от пожаров, сгоревшие магазинчики, аптеки, поваленные заборы, покосившиеся столбы, сломанные деревья,

обрубленные ветки, остовы обугленных машин, скомканные, как из фольги, листы металла. Повсюду обломки, камни, куски разбитого стекла. Неразорвавшаяся мина врылась в асфальт, торчит её хвостовик. Место неразорвавшегося заряда помечено сигнальной лентой.

На площади за насыпью, образовавшейся от воронки, замечаю плакат. На плакате изображена девочка в венке из цветов. Превалируют жёлтые и голубые оттенки, цвета национального флага Украины. На плакате надпись «Бережемо Україну разом!». У девочки глаза закрыты, но кажется, у неё зрачков нет, она смотрит слепыми бельмами глаз. Брр-р... На фоне всеобщих разрушений этот плакат производит жутковатое зрелище. Девочка-упырь, девочка-нежить. За всеми этими вышиванками, венками с ленточками, симпатичными плакатиками, жёлтой пшеницей под голубым небом, заявлениями о том, какие они, украинцы, хорошие, свободолюбивые, умные и красивые, – за всей этой красивой картинкой скрывается кровь, кровь, кровь. Кровь, разрушения и жертвоприношения. Волынская резня и обугленные трупы в Доме профсоюзов. Москаляку на гиляку! Разрубленные авиаударом в Луганске или «Точкой-У» в Донецке тела – тела ещё живые, лежащие на асфальте и протягивающие руки. Варварские бомбардировки, боеголовки, наспигованные кассетами. Изрезанная осколками Горловская мадонна с мёртвым младенцем в парке, застигнутая «градом». И с виду прекрасная нянька-Украина с плакатов тут же оборачивается злобной панночкой-ведьмой, описанной когда-то Гоголем.

Вот о чём я думаю, глядя на этот плакат.

– Волноваха была напичкана оружием, – рассказывает мне Рост, командир подразделения внутренних войск ДНР, которого я интервьюирую. Вэвэшники зашли в город после штурмовиков «Спарты». В их функции входит разоружение, разминирование города, выявление и пленение скрывающихся вэсэушников и боевиков нацбатальонов.

– Обходим жилой квартал, заходим во дворы, а там практически в каждом доме ящики с боеприпасами. Джавелины, лимонки, пулемёты – чего только нет.

– Кого-то находите из украинских военнослужащих?

– Так точно. Вот недавно задержали двух майоров ВСУ. Вычислили их по одной женщине. Приметили, что она ходила в заброшенный дом, их подкармливала. При задержании они пытались отстреливаться, я приказал стрелять по ногам. Слава богу, попал не мой пулемётчик, ранили из обычного автомата, – говорит Рост. Улыбается. Не взял греха на душу.

Тех, кто не оказывает сопротивление, вэвэшники задерживают аккуратно. Пленных не бьют и не унижают. В отличие от другой стороны. Бойцы народной милиции помнят ещё 2014 год, когда со стороны Украины при обмене возвращали ополченцев, на которых живого места не было. Избитые мешки с костями.

Проверенные дома солдаты маркируют буквой Z. Z – значит зачищено. И разминировано. Жить можно.

И жизнь потихоньку в Волновахе налаживается. Для жителей Волновахи война уже позади, она покатила дальше. И за танцем разрушения у индусского бога Шивы всегда следует созидание. На улицах полуразрушенного города появляются люди. Выбираются из подвалов, квартир. Народ стекается к центральной площади. На площади раздают гуманитарную помощь, выстроилась очередь к фуре. Вид у жителей помятый и измученный. У многих на руках повязаны белые тряпочки, чтобы их не перепутали с военными.

В Волновахе проведён первый акт денацификации – улица Героїв 51 ОМБр ВСУ переименована в улицу Героя России и ДНР, командира «Спарты» Владимира Жоги (позывной «Воха»). Воха штурмовал Волноваху и погиб здесь, выводя из-под обстрела семью гражданских. Он умер в этом городе и теперь будет вечно жить здесь – здесь и в нашей памяти.

► Волноваха. Бойцы внутренних войск ДНР

Оставим чуждого нам Шиву в покое. Вернёмся к нашей вере. Мы едем на службу в Волновашский Свято-Духовской храм. Там, как и во многих церквях Волновахи, отслужат первый после освобождения города воскресный молебен.

Церковь находится в частном секторе из малоэтажных домов со дворами. Храм, слава богу, лишь немного пострадал от войны – возле территории прихода две глубоких воронки от взрывов. Взрывной волной опрокинуло примыкающий к храмовой территории детский городок. Церковь потрясло, осыпалась кирпичная кладка, повывлетали окна. Некоторые стены частично разрушены, но в основном целы. Значит, храм продолжает жить.

Есть стены значит есть и люди. Так внутри израненного тела теплится жизнь. Внутри церкви идёт служба. Прихожан немного, но достаточно – поёт хор из трёх прислужниц; дрожат, как пламя свечей на ветру, их голоса.

– Если есть люди в храме, значит будут восстанавливаться не только стены физические, но и духовные, – говорит на проповеди архимандрит Игнатий.

Как ценитель живописи, я оценил качество росписей. От прихожан я узнал, что часть фресок местные мастера Коля и Вася скопировали из Почаевской лавры, которая находится в Тернопольской области. Хороша работа! И не скажешь, что это дубликат, так хорошо сделана! Я засмотрелся на картину «Пригвождение Христа ко кресту». Служитель церкви рассказал, что автор этой картины изобразил себя в лице одного из распинающих, таким образом напоминая самому себе при посещении церкви о своих грехах.

Внутри храма всё сияет золотом и красками. Раскрыта золотая раскладушка иконостаса. Лица и облики святых вытянуты в идеальном мире. На подпирающих столбах – изображения русских князей Андрея Боголюбского и Александра Невского. Держат они церковь, на святом воинстве держится Русь.

Ещё меня впечатлил перезвон, который извлекал из колоколов пономарь после молебна. Динь-динь-динь-дон, ди-ди-динь-дон – дёргал он около пяти минут за верёвки на колокольне, в то время как мы, журналисты, его снимали для репортажа. Потом звон ещё долго стоял в ушах. Но лучше гложуть от такого перезвона, чем от разрывов снарядов и ракет.

Передав прихожанам закупленные для них продукты и лекарства, из мира, из святого места, мы отправились прямо в преисподнюю – на войну. В Мариуполь.

* * *

По дороге заехали в Мангуш.

В Мангуше военные, репортёры, беженцы, дети. Повстречались женщины с канистрами для бензина – плохая примета? Бензин на подступах к Мариуполю в дефиците. Ещё по дороге в Волноваху видели вставший автомобиль и его голосующего хозяина.

Мангуш – один из крупных и старых спутников Мариуполя. Особых разрушений мы не наблюдаем, неонацисты не стали цепляться за этот посёлок, откатились дальше. В Мангуше у военных узнаём обстановку, хотим в мариупольский аэропорт. Нам говорят, что он освобождён.

Но, на последнем перед аэропортом блокпосту нам говорят, что ехать туда ещё опасно и дорога не разминирована. Через поле мы видим, как выются вихри над аэропортом, слышна стрельба с разрывами. Там ещё идёт бой и продолжается зачистка. Решаем въехать в Мариуполь с другой стороны.

Как только стали освобождаться на окраине первые кварталы Мариуполя и линия боёв, подобно удавке на шее украинских националистов, стала стягиваться к центру, из жилых массивов хлынул поток беженцев. Даже этот факт свидетельствует, что мариупольцы оказались в заложниках у нелюдей из «Азова». Договорённость о гуманитарных коридорах противник и не думал выполнять. Мы подъезжаем к Мариуполю и видим, как беженцы едут, идут прямо по шоссе. Тащат свои сумки, рюкзаки, баулы, катят тележки, коляски с детьми. Женщины, мужчины, старики, старухи с белыми повязками на руках идут змейками. Зрелище впечатляющее. Исход!

Но ближе к Мариуполю за окном движение и в обратную сторону. Люди из «Метро» на окраине растаскивают весь ассортимент гипермаркета. Уголь, соки, воды... Кто катит тележку, кто волоком тянет за привязанный пояс ящик. Кто просто несёт упаковку воды в руках. Язык не поворачивается упрекнуть этих людей в мародёрстве. Это не мародёрство, это борьба за выживание. Судя по внешнему виду, всем этим людям за три недели штурма многое удалось пережить. А некоторым не удалось.

Проезжаем по Запорожскому шоссе, очередь на блокпосту. Там идёт проверка. Ни один нацист не должен уйти, ни один не должен избежать наказания. Мужчин, способных держать оружие, заставляют оголиться наполовину – смотрят, нет ли следов от приклада, от пороха. Нет ли нацистских наколок, трезубов, свастик на теле – такими знаками отличия любят украшать себя азовцы. Мы проезжаем мимо, останавливаемся на круге перед началом бульвара Шевченко. Выходим, оглядываемся... Да... дела...

Слева – чёрные-чёрные дома. Выгоревшие дотла. Справа – разрушенный и сожжённый торговый центр. Остались целы на стене только буквы O'STIN – это марка фирмы, выпускающей одежду. По бульвару дома через один угольные. Да... дела... Апокалипсис сегодня, здесь, сейчас. Зрелище растерзанного войной Мариуполя затмило утренние виды освобождённой Волновахи. В Мариуполе был не танец, а пляска разрушения. Она ещё продолжается – из центра слышны выстрелы и взрывы, оттуда в небо валит чёрный дым, рассеиваясь серой полосой над домами.

► Окраина Мариуполя. В центре города ещё идут бои

Идём во двор в проём между панельками. Под ногами камни, бетонная крошка, про- вода, мусор. Справа – наполовину выгоревшая многоэтажка. Во дворе ещё один сожжённый, аспидно-чёрный дом. Он контрастирует с окрашенной в яркие цвета детской площадкой. Она не повреждена. Целы и горка, и качели, и перекладина. Рядом с площадкой у будки электро- передач два трупa, накрытые тканью.

Повсюду разбросаны осколки, куски железа, бетона, стекла, остатки оконных рам. Пова- лены или иссечены деревья. У подъездов кучкуется народ. Это в основном пенсионерки, ста- рики, тётушки. Молодых лиц не видно. У кого были силы и возможности, наверное, уже уехали. Несмотря на то что сегодня тепло, все в нелепых шубах, кофтах, пуховиках, в шапках, заку- таны кто в чём. Увидев журналистов они приветственно машут руками.

– А вы откуда? – спрашивают.

– Мы из России.

– А-а, буква Z – это Россия, – замечают они шеврон на моём бронежилете.

Да, Z – это Россия.

Я беседую с ними. Они очень открыты и очень эмоциональны. Видно, что они на пределе, что они истощены – и морально, и физически. Видно, что они в любую секунду готовы раз- рыдаться, а некоторые уже и не сдерживают слёз. Уже три недели они живут без света, тепла, воды, под обстрелами, под постоянным страхом смерти.

– Мы так хотим, чтобы всё это закончилось, мы хотим, чтобы здравый смысл победил, – говорит супружеская пара пенсионеров. Бабушка готовит еду на разведённом костре в очаге из собранных кирпичей, прямо возле подъезда. Рядом лежат вязанки хвороста, очевидно, нало- манного из растущих во дворе деревьев.

Но на войне не до здравого смысла. Война – это коллективное безумие. Все разумные доводы и ходы были исчерпаны до войны, иначе бы она и не началась.

– Квартиры сгорели, сгорело имущество, вся жизнь наперекосяк. Так сложно в таком возрасте начинать всё сначала, – причитает бабушка.

Ты как будто находишься во сне, бродишь в страшной сказке. Ты находишься в мире постапокалипсиса, который видел ранее только в кино. Все библейские печати сняты, а кони:

белый, рыжий, вороной, бледный – выпущены. Как быстро рассыпался современный комфортабельный мир, создаваемый столетиями прогресса! Три недели городских боёв – и всё: люди среди чёрных обугленных панелек готовят еду на костре.

Тут резкий свист прерывает наш разговор. Что это? В воздухе что-то засвистало, зашёлкало. Ох ты ж! Если это и кошмарная сказка, то, значит, это Змей Градыч прилетел. Двор, наш или соседний – разбираться некогда, потому что небезопасно – попал под ракетный обстрел. Не мешкая, я вместе с жителями дома быстро забегаю в подъезд.

– О, Господи, опять, вроде ж неделю тихо было, – вздыхает пенсионерка в мохнатой шапке.

– Двенадцать дней нас бомбили. Сутками! – поддерживает её женщина. – Боже ж мой!

«Боже ж мой...» – я повторяю про себя.

Что там на улице? Прилетит ещё пакет? Вроде нет, тихо. Мы выходим. Вроде все целы.

– Ну для чего же язык дан? Язык нужен, чтобы договариваться. Но не силой, – продолжает прерванный разговор на улице женщина в красном шарфе и шапке с бумбоном, – а если уже силой, то уже заканчивайте всё это!

Потеряв всё, кроме своей жизни, оставшиеся жители панельки уже никого не винят, не ведут разговоры о политике. Путин, «Азов», наши, не наши, кто прав, кто виноват – им уже всё равно. У некоторых нет уже сил: физических, нервных, эмоциональных, душевных, – чтобы быть на чьей-то стороне. Они не мыслят глобально на своих кухнях и диванах, потому что кухонь и диванов у них нет. Они переживают за себя. Они хотят только одного – чтобы наконец весь этот ужас для них закончился.

– Мы верим в победу, мы выдержим всё, – продолжает свою эмоциональную речь женщина, – наши деды выдержали, и мы выдержим. Но скорей бы это всё закончилось, Господи. Мы выдержим, только дайте хлеба и воды. Помогите нам! Пусть весь мир услышит и поможет нам.

– Да. Мы уже забыли, что такое хлеб, – подтверждает старушка, которая готовит еду на против, – как бы хлеба покушать.

Хлеб! Как мы могли забыть?! У нас же есть в машине хлеб! Мы же закупили в Донецке несколько пакетов хлеба! И консервов!

Идём к машине. Возвращаемся с пакетами, раздаём.

Появление хлеба вызывает бурю эмоций.

– Хлеб, хлебушек... – ласково запричитали бабушки. – Спасибо! Спасибо вам, сыночки! Спасибо! – благодарят они с нотками истерики в голосе.

С тяжёлым чувством выезжаем из Мариуполя. Идут по дороге беженцы. Вьются над городом чёрные дымки. Ты как будто возвращаешься из ада. Ада, из которого ты можешь уехать, а вот жители Мариуполя – нет.

Мариуполь. Апокалипсис сегодня

7 апреля 2022 г.

Есть древнегреческий миф об Орфее и Эвридике. Юная Эвридика, жена музыканта Орфея, умерла по случайности – её укусила змея. Но талантливый Орфей, спустившись в преисподнюю, очаровал своей игрой на лире бога подземного царства Аида, и тот позволил ему вывести свою возлюбленную. Нужно было соблюсти лишь одно условие – не оборачиваться назад, когда выходишь из подземного мира на свет. Но любопытство Орфея берёт своё, он оборачивается и теряет свою Эвридику уже навсегда.

Вот так и мы, военкоры, всегда «оборачиваемся», мы смотрим в бездну войны, в царство мрака. Почему? Потому что ад манит нас.

И снова, и снова мы возвращаемся в Мариуполь.

* * *

Выезжаем, как всегда рано, из Донецка. Наш броневичок – подаренная добрыми людьми бронированная машина с наклепленными буквами Z – снова несётся к побережью Азовского моря. Когда-то курортному.

В Володарском, пригороде Мариуполя, который стал одним из центров приёма беженцев, опросил молодую пару – Владимира и Настю. Жили они в центре города. Прятались по подвалам три недели. Потом решились как-то выбираться из зоны военных действий. На улице наши военные им подсказали, как безопасней это сделать. Шли дворами частного сектора и вышли к окраинам. Шли налегке – у каждого по рюкзаку и ... по домашнему животному. Они не могли оставить на произвол судьбы собаку Филю и кошку Боню.

История, конечно, трогательная и могла бы вызвать умиление у любого любителя животных. Но не все истории мариупольцев, которые вынуждены были бежать из города, закончились хорошо. У парня осталась в Мариуполе дочь от первого брака с бывшей женой, а у девушки – мама, и что с ними сейчас, неизвестно. Я расстался с ними у здания МЧС, где они пытались выяснить судьбу своих родных.

Едем дальше. Снова заезжаем в Левобережный район Мариуполя со стороны Виноградного. Я был здесь неделю назад. «Дальше церкви ехать очень опасно», – предупредили нас тогда военные, и мы не поехали. Церковь – это собор Архистратига Божия Михаила. После неё, если ехать в сторону «Азовстали», где засели украинские неонацисты, начинались уже кварталы многоэтажек. Несколько дней назад там ещё шли жаркие бои – символично, что эта улица называется улицей Воинов-Освободителей.

А сейчас на пяточке перед церковной оградой установлен блокпост из нескольких солдат НМ ДНР. Створки церковных ворот раскрыты, одна из сторон погнута. Кирпичи забора частично расколоты пулями и осколками. Издали виден «надкусанный» снарядом или ракетой один из церковных куполов.

► Хмурые дети войны

Из микрорайонов выезжают автомобили с белыми тряпочками. Машины на блокпосту останавливают и досматривают, допрашивая пассажиров.

Допрос вежливый, но строгий. Так... Откройте багажник... Паспорт, прописка... Военный билет?

– Воевал? – прямо спрашивают небритый боец из народной милиции.

– Нет, да вы шо!

Взрослые мужчины рассказывают свою историю и показывают документы. Оценив предъявленное на соответствие внешнему виду и здравому смыслу, бойцы пропускают автомобиль.

Выходят из города и пешком. Раз за разом появляются группы людей, которые несут сумки и баулы, катят по пыльной дороге чемоданы и детей на колясках. Видим трёх женщин, девочку и мужчину, у которого всё лицо неряшливо обмотано бинтами. Бинты все в засохшей крови, сукровице и грязи, у мужика как будто жуткая кровавая маска на лице. Но чувствует он себя бодро.

– Миномёты, блуждающие миномёты! – объясняет он на ходу своё ранение. – Меня поразило осколками стекла!

Группа спускается вниз по дороге к Виноградному.

На блокпосту появляется ещё одна семья с тремя детьми. Мальчик, девочка и ещё мальчик, самый младший из всех, но уже, как все дети, твёрдо стоящий на своих маленьких ногах. Солдаты угощают детское трио киндер-сюрпризами, упаковки которых мы и привезли для этих целей.

Конечно, тот ужас, в котором побывали эти ребята, больше им никогда не забыть. Но пусть появится хоть какое-то напоминание о радости той детской жизни, которая необратимо и внезапно изменилась.

Дети разворачивают шоколадные яйца. Насупившись, раскрывают игрушки и с серьёзным выражением лица их рассматривают. Хмурые дети войны. Они не обращают внимания

на шум далёких боёв – этот фон появляется ещё на подъезде к городу и сопровождает тебя постоянно. Дети к нему уже привыкли.

Но это всего лишь первый круг inferно, мой друг, это только начало, а не конец. Как там у Данте, спускавшегося в ад? Здесь нужно, чтоб душа была тверда, здесь страх не должен подавать совета...

И следующий лимб начинается с ближайшего перекрёстка, который охраняет мёртвый украинский военный. Точнее, на дородной развилке лежит только его половина, другая раздроблена гусеницами.

Останавливаемся, выходим, с опаской оглядываемся. Видим проход во двор. Идём туда. В ряд выстроены сгоревшие машины. Другой автомобиль у подъезда напротив разрушен не до конца, он обмотан весь белой в грязных дырках тканью, ткань дрожит волнами на ветру. Всё усыпано осколками бетона и стекла, которое хрустит под ногами. С девятого этажа почти до козырька подъезда на стену дома сполз жирный ожог. Выгорели все квартиры.

А следующий подъезд почти весь съеден попаданием ракеты. И соседний дом весь чёрный от пожара. Рядом с ним стоит панелька, необычно розовая для интерьеров окружающего разрушения – вот она осталась почти нетронутой, видно только попадание снаряда в квартиру верхнего этажа.

На крышах домов и в квартирах верхних этажей наики из «Азова» располагали свои огневые точки. и вот они сметены огнем ударом. Да... Восемь лет прошло, как неонацисты захватили город, И вот следствие. Неонацисты вросли в землю, в бетон, с маниакальным упорством вцепились в то, что им не принадлежало никогда. Они не жалеют ни мирных горожан, ни их жилищ, потому что это не их люди, не их земля. И теперь чуть ли не каждого из городских построек приходится выкорчёвывать, выдирать с мясом, с разрушениями. Надо признать, что неонацисты не жалеют и себя, так как и сами поклоняются смерти.

Как-то в оккупированный Париж к Пабло Пикассо пришли немецкие офицеры. Они заинтересовались репродукцией «Герники» – картины, посвящённой варварской бомбардировке испанского города. «Это вы сделали?» – спросил у Пикассо один из немецких офицеров. «Нет, это сделали вы». Сейчас украинские власти обвиняют Россию в разрушении Мариуполя. Так вот, нет. Это сделали вы.

Вы – преемники тех фашистов. На первом месте у вас стоит нация, одна нация – украинская. Для неё нужна земля. Не только своя, но и чужая. Чем больше, тем лучше. Больше будет нация. Кровь и почва – это древний хтонический культ. Восемь лет вы пичкали когда-то мирный прорусский город своими нацистами, своим и не своим оружием.

«Мариуполь – це Украина!» – утверждаете вы. Как любитель лингвистики и гуманитарий, замечу, что це – это изменённое the, there is – по-английски «это есть». (Без англосаксов, кстати, как всегда, и в этой войне не обошлось.) И теперь это цепкое «це», ломая пальцы, отдирают от Мариуполя российские морпехи, чеченский спецназ и народные милиционеры из ДНР.

Нет! Не «це»! А «это»! Мариуполь – это Донецкая Народная Республика! Ну или Россия. Как будет угодно. Больше никаких украин на нашей территории.

...Голуби, голуби, вспорхнули голуби... Так... Есть кто живой? Есть. У подъезда стоят двое мужчин и женщина. Женщина, увидев нас, подходит.

– Надо помочь с продуктами! Мы сейчас уходим, но тут осталась ещё девушка!

► Мариупольский двор, попавший под обстрел

Девушка. Тут осталась девушка. Обещаем оставить. Но сначала с разрешения знакомлюсь с бытом и интерьерами подвала, где пришлось провести жителям подъезда три недели. Спускаюсь через полуподвальное окно снаружи дома.

Спускаюсь на ковёр. В человеке заложено стремление к уюту, к облагораживанию окружающей территории. Уже при первобытном строе люди стелили шкуры животных в пещере, а тут вот на тебе – ковёр.

Оглядываюсь – и везде подметено, чисто. Насколько может быть чисто для подвального помещения. Человек даже в условиях хаоса стремится к порядку. В человеке заложено созидание. Случаются, конечно, эксцессы... Такие, как наверху, откуда брезжит свет из квадратного проёма.

Стоит на кирпичках посуда, на полу канистра с водой. По углам лежаки, матрасы... Раскладной стул, на небольшом столике кружка. Замечаю радиолу. Радио работает – привет из прошлого века модерна. Нет интернета, нет телевидения, нет соцсетей, но антенна ловит радиочастоты. Значит, есть связь с внешним миром. В фильмах про постапокалипсис радио часто играет определённую роль в сюжете.

Выбрался из подвала на свет божий – насколько неуместно для этой реальности это выражение. Вроде разрывы стихли, доносится стрельба и шум далёкого боя. Пауза. Оборачиваюсь и внезапно вижу большую группу беженцев, быстро идущих от соседних домов. Они катят чемоданы, коляски, несут сумки. Один... два... десять, двадцать! Да тут целый караван! Let's tu reople go... Воспользовавшись затишьем, они хотят выбраться из ада войны.

– Победы вам! – увидев меня, стоящего в солдатской каске и бронежилете, жалобно выкрикивает одна женщина. Удивительно. Они потеряли всё, и желают русской победы. Нет, Мариуполь – это не Украина. И больше никогда ею не будет.

Так. Мы едем дальше. К «Азовстали». Сворачиваем на Морской бульвар. По левую сторону скамейки, аллеи деревьев, видать море. Наверное, тут приятно было прогуляться. Когда-то. Сейчас вот небезопасно.

– Ох, ебать! Впереди в нескольких сотнях метров разрыв. По бульвару стреляют танки. Быстро сворачиваем налево к домам. Там, в одном из домов, расположились чеченцы. Заходим к ним. Чеченцы, как и положено чеченцам, в боевом расположении духа. Есть раненые, есть и убитые, говорит их командир – ну какая же война без убитых?

Ехать же дальше, говорят, опасно. Мы сворачиваем от бульвара вглубь города.

Двор из нескольких хрущёвок. Дома полуразрушены, дворы разметены отстрелами. Жители, кто по каким-то причинам ещё не собрался выехать, кучкуются возле подъездов. Жгут костры, готовят еду. Зрелище внезапно наступившего первобытного коммунизма. Но уже есть представители новой власти – возле дома стоят двое бойцов НМ ДНР. Их оставили, чтобы оказывать помощь и защиту живущим здесь мариупольцам.

Просьбы и жалобы жителей знакомы. Нет еды, света, тепла, лекарств. Много лежачих. В остром дефиците две потребности, одной из которых можно и обойтись. Это хлеб и табак. Курильщикам очень сложно в условиях военного коммунизма избавляться от своей зависимости. Хлеб у нас был, мы его закупили специально для такого случая и раздаём.

Так, а это что за делегация? Трое мужчин подошли из соседнего дома. Да... видок у них. Один из них в леопардовой женской шубе и банной шапочке, смолит цыгарку. Они просят тоже еды. Тот, кто с лишним весом, не просит, а требует. «Мне надо есть! Посмотрите на мою комплекцию! Я болел три раза ковидом!» – перечисляет он свои заслуги. Он истерит. Конечно, трудно оставаться человеком в таких условиях, но ведёт он себя недостойно. Его мы осаживаем. Он не получает ничего. Этому дала... этому не дала... Оставшиеся продукты мы относим женщинам, которые готовят еду, для справедливого распределения.

► Мариупольцы готовят еду на кострах

– У вас есть влажные салфетки? – подошёл ко мне парень.

Я в недоумении. Вопросительно смотрю на него. Чёрт, какие влажные салфетки, нашёл что попросить.

– У меня полугодовалый ребёнок, – объясняет он, – а памперсов нет. А в магазине всё вынесли уже.

Чёрт. Чёрт. Чёрт. Теперь понятно. У меня только одна неиспользованная упаковка на десять штук для личного пользования, и я её отдаю. Отдаю ещё пару консервов и круг хлеба для кормящей матери.

Влажные салфетки – казалось бы, какая мелочь! Однако и они оказались жизненно необходимы.

Но это не последняя трагическая история, которую довелось мне услышать. Нас попросили вывезти бабушку.

Ей оказалось девяносто семь лет! Ходить не может, в инвалидном кресле. Человеческий огарок... Неделю она пила только воду без возможности выбраться из города. За ней приехал сын из Донецка. Вместе с ним мы погрузили её в машину и увезли из Мариуполя.

В разговоре с ней выяснили, что это не первый плен. В 1942 году её угнали в Германию, в немецкий город Биркенфельд. Наши солдаты освободили её в 1945 году. И сейчас история для неё повторилась. Снова она прошла через нацистский плен.

* * *

Есть не только псы войны, brave опытные бойцы, которым война – мать родна. Есть и шакалы. Возможно, моё сравнение покажется кому-то неудачным – я не хочу задеть никого из коллег. Но, по сути, шакалы войны – это мы, военкоры.

Мы не воюем, не сражаемся, никого не защищаем. Мы снимаем несчастья, кровь и разрушения, даже когда это кажется неуместным, и иногда вызываем на себя справедливый гнев страдающих.

Да, мы шакалы войны. Но как бы вы познали её ужасы?

А из нашего окна «Азовсталь» вдали видна...

2 мая 2022 г.

– С оружием же в храм нельзя?

– А он недействующий, – ответил батюшка.

Значит можно. У меня-то оружия нет, я и стрелять-то не умею. Но зато мой товарищ – офицер ДНР, и у него наградной пистолет. Ранним утром дороги на Мариуполь пустыньны, враг близко, выход ДРГ на трассу нельзя исключать. Да и Мариуполь считать безопасным городом сейчас пока рано. Поэтому с ним пистолет. Конечно, с автоматом в таких обстоятельствах было бы получше. Но – чем богаты, тем и рады. Или уместней – не рады.

Протоиерей Гавриил знакомит нас со своими владениями. В том числе, в его ведомстве находится, ни много ни мало, самый большой храм Украины – Покровский собор города Мариуполя. Правда, собор недостроенный. И во время военных действий тоже повреждённый.

– В храме ремонт? – спрашиваю я, когда мы подходим к нему.

– Теперь уже всё, разруха, – батюшка покачивает головой. То ли шутит, то ли преувеличивает. Внешне не видно, чтобы собор сильно пострадал. Только наверху взрывом надкусан малый купол. Да и то, приглядываться с земли надо, и мы отошли на нужный ракурс, чтобы увидеть разрушенную луковку.

– Видишь, какая там дыромаха? – показывает протоиерей на купол. – Можете себе представить?

Виджу. Могу. Дыромаха... Снаряд или мина каким-то невиданным образом залетела в щель с внутренней стороны, и часть купола разорвало.

► Повреждённый купол

С протоиереем Гавриилом я познакомился совсем недавно, на Пасху, которую я встречал в Мариуполе. Служба проходила в небольшом деревянном храме Александра Невского, который стоит на подворье возле недостроенного Покровского собора. Встречали Пасху под канонаду, которая доносилась с «Азовстали».

Но народу собралось много. Запах дыма от кострищ и пожарищ, шедший от прихожан, перебивал запах ладана от кадила. Мариупольцев не испугал глухой шум далёких разрывов. Во время штурма Мариуполя им приходилось слушать и более громкие и опасные звуки.

На службе звучало как никогда к месту: «Господи, помилуй нас!» Хор звучал пронзительно, трепетали, как пламень, голоса. Батюшка воспевал проникновенно и хорошо. Я отметил про себя, как ловко он управляется со своей паствой. Когда в какой-то момент шум от присутствующих стал мешать ему, он вдруг громко и строго произнёс: «Тишина. Тишина. Тишина».

И все притихли.

Но вне рамок богослужения отец Гавриил оказался общительным и открытым человеком. И не без иронии.

«Вино по рюмочк-а-ам по-ольётся, в пасхальный день не для меня», – на мотив «На поле танки грохотали» внезапно пропел он, когда мы после пасхальной службы разговлялись яйцами, пасхой и вином. Батюшка хорошо поёт, тоже отметил я. А грохочущие танки в тот день я действительно встретил по дороге в храм – это выезжали из Мариуполя наши морпехи.

Сейчас на протоиерея нет праздничного облачения, на чёрную рясу накинут жилет, а на голову поверх скуфьи надет обруч с фонариком. Помимо церковных функций протоиерей выполняет работу прораба. Он ходит по двору и даёт распоряжения.

– Сейчас тебе помогут его оттащить, – обращается он к мужчине, который стоит возле большого генератора. – Эй, вы куда идёте? – кричит он другим. – Идите сюда!

По подворью разбросаны куски железа – семена войны, зубья ракетного дракона. Валяются согнутые гильзы от «града» – и сюда прилетало. Вся крыша деревянного храма в следах от мелких осколков. Некоторые из них разбили окна и прошили стены храма насквозь. Ударной волной частично вскрыло крышу, она наскоро заделана рубероидом. Чтобы крышу залатать, мы привезли по просьбе священнослужителя битумный скотч.

– А вот пойдут ливни, дожди... я себе не представляю... – сокрушается батюшка.

Но мне церковный двор кажется оазисом в эпицентре разрушений. Вокруг храмового комплекса кольцо из сгоревших, разломанных кулаками бронетанковых и ракетных атак домов. Здесь шли упорные бои. Повсюду куски железа, осколки бетона и стекла. Волочатся по земле оборванные провода. Некоторые столбы у дорог повалены, на проспектах сожжённые автомобили и бронетехника.

Во время военных действий, когда на город нахлынули волны апокалипсиса, Покровский собор стал Ноевым ковчегом. В подвалах храма укрывалось до девяноста прихожан. Храм прочный, на шесть метров он врос бетоном в землю.

– А проходили ли во время Великого поста богослужения? Откуда во время военных действий бралось всё необходимое: просфоры, там, вино? – спрашиваю.

– Нет, здесь службы не проводились. Здесь всё было закрыто, опасно было в деревянном храме что-либо служить, вы сами понимаете, – отвечает отец Гавриил. – Сам я в пост находился в Свято-Николаевском соборе. Там проводил богослужения. Служили мы в подвале... В том соборе нижнего храма нет, он не предусмотрен, ну мы и оборудовали под алтарное помещение коридоры... А просфоры как приходилось, так и пекли, честно вам скажу. Сначала оставались запасы в холодильнике, пока была электроэнергия. А потом морозный был март, они сохранялись и так... Ничего не отапливалось, не было ни света, ни газа, ни воды... А вот следующую партию, да, мы уже напекли. Кто-то принёс нам газовый баллон свой. У человека как раз в дом попал снаряд, и он к нам пришёл жить, наш прихожанин тоже... Ну, кое-как напекли, оно ж без редуктора всё это... В газовой печи они сначала закопчённые получились, просфорочки наши... А потом мы приспособились, наловчились. Ну, благо я и сам умею всем этим заниматься, выпекать то есть... Вот и служили на них. Запасы муки у нас всегда были. И дрожжи

даже были сухие! Напекли – и служили... да... А вино было всегда. Всегда в погребе были запасы вина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.